

№8
Август 2016

ТУСЕСКИЙ КЛУБ

ТИФЛИС МОЕГО
ДЕТСТВА
С. 30

А МУЗЫКА ЗВУЧИТ...
С. 6

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАПИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№8⁽¹³⁰⁾
Август 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 А МУЗЫКА ЗВУЧИТ...
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 12 ПАМЯТИ АКТЕРА И ХУДОЖНИКА
ИГОРЬ МИНЕЕВ
- 18 МАСТЕР ПРИТЯГАТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
- 23 ЧАСТИЦА ГРУЗИИ
БЕЖАН ХУЦИШВИЛИ
- 24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ТИФЛИС МОЕГО ДЕТСТВА
КСЕНИЯ ПЫШКИНА-ЛОМИАШВИЛИ
- 38 ДОБРОЕ УТРО, БАТОНО НОЭ!
ЛАЛИ БРЕГВАДЗЕ-КАХИАНИ
- 44 ВИДНЫЙ УЧЕНЫЙ-АРХЕОЛОГ
ЛЕОНИД ДЖАХАЯ
- 48 ОПЕРЫ ПРОКОФЬЕВА НА ТБИЛИССКОЙ СЦЕНЕ
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 52 НЕ ВЕДАЕТ ГРАНИЦ ЛИТЕРАТУРА
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 54 ПРИЗЫВ И УТЕШЕНИЕ
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

На обложке – Джуга
Фото Александра Сватикова

от ДО

— Роб АВАДЯЕВ

НЕКОРРЕКТНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО НЕПОГРЕШИМОГО ФЕРМА

В августе исполняется 415 лет со дня рождения великого и загадочного французского математика Пьера де Ферма — блестящего провинциального профессионального юриста и полиглота, сделавшего прекрасную карьеру благодаря своим исключительным способностям. Успешно окончив обучение в Бордо и Орлеане, Ферма, с помощью родственников, выкупил должность королевского советника парламента в Тулузе, то есть стал судьей. И пусть вас не смущает дворянская приставка «де». Ферма происходил из среднего сословия, из зажиточной гасконской семьи. Дворянское же достоинство ему было даровано аж в 47 лет, когда Пьер стал членом Палаты эдиктов города Кастр. А математикой он занимался исключительно в свободное время. При жизни Ферма не опубликовал ни одной научной работы — тогда так было не принято. Это сделал после его смерти сын Клеман-Самуэль. Но сохранилась его переписка с выдающимися учеными-современ-

никами — Декартом, Паскалем, Дезаргом, Робервалем и др. Они считали Ферма одним из самых замечательных математиков Европы. Представьте, еще до Ньютона Ферма умел использовать дифференциальные методы вычисления площадей, независимо от Декарта создал аналитическую геометрию, параллельно с Паскалем заложил основы теории вероятностей. Но главные достижения Ферма были в области теории чисел и, конечно же, Великая теорема. Все мы помним со школьных времен теорему Пифагора: квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. А Ферма выдвинул утверждение, что: $x^n + y^n = z^n$ не имеет решения в целых числах для n больше 2. Об этом он написал на полях «Арифметики» Диофанта, а доказательства не привел — только черкнул, что «места здесь слишком мало». Вообще-то, теорема без доказательства называется гипотезой. Но все привыкли, что дотошный гениальный математик-любитель никогда не ошибался. К тому же Ферма доказал свою гипотезу для $n=4$. Так она вошла в историю как Великая теорема Ферма. И потребовалось еще долгих 358 лет и сотни ошибочных попыток, чтобы ее действительно доказать. Это сделал английский математик Уайлс в 1993 году. К слову, его доказательство заняло 130 машинописных страниц. Так что, по мнению современных ученых, Пьер Ферма скорее всего доказал свою теорему некорректно.

ВТОРОЙ «ВЕЛИКИЙ ИЗ ВЕЛИКИХ»

Дату рождения Тициана — великого художника итальянского Возрождения установить с достоверностью уже невозможно. Известно, что он дожил до глубокой старости. Сам он с легким кокетством называл годом своего рождения 1474, младшие современники указывали 1476 или 1480 годы, но современные исследователи считают вероятной весну 1490 года. Посему в мире искусства принято отмечать день памяти венецианского гения 27 августа 1576 года. В этот день он был найден бездыханным в своей мастерской с кистью в руке у

незавершенной картины. Скорее всего, старый мастер стал жертвой страшной эпидемии чумы. Невзирая на суровый карантин, он был похоронен с большой пышностью в венецианском соборе Санта-Мария Глориоза деи Фрари. Этот чудный художник родился неподалеку от Венеции в обеспеченной и родовитой семье Вечеллио. О его образовании неизвестно почти ничего, но и неучем его никто не считал. Хотя латыни, как положено просвещенным людям того времени, он не знал и все письма диктовал секретарям. Но это ему не мешало дружить с выдающимся поэтом Аретино и быть ближайшим другом другого гениального живописца Джорджоне. Тициан рано прославился и рано стал успешным и востребованным художником. Ему оказывали покровительство многие властители того времени от императора Карла V и его сына Филиппа II, римского Папы Павла III до герцогов и дождей. Мало найдется вельмож-современников, которые не позировали этому обаятельному человеку с вежливыми и изысканными манерами. Считалось, что Тициан «легко побеждал силой своего искусства и своим умением приобретать и сохранять расположение знатных особ». Да и выбивать гонорары Тициан умел мастерски. Когда платежи задерживали, он буквально засыпал неплательщика жалостливыми письмами с рассказами о своей крайней бедности, что было абсолютным враньем — маэстро был человеком, мягко говоря, небедным. Но и жлобом он тоже не был — легко жертвовал деньги на благотворительность, щедро платил своим помощникам и ученикам, а под-

$$x^n + y^n \neq z^n$$

$$\text{if } n > 2$$

час материально поддерживал не очень успешных своих коллег. Его творчество вызывало восторг даже у великих современников. Правда, Микеланджело сетовал, что, хотя ему «весьма нравятся манера Тициана и колорит, однако в Венеции с самого же начала не учат хорошо рисовать и тамошние художники не имеют хороших приемов работы». Невзирая на 440 лет, прошедших со дня его смерти, творческое наследие Тициана огромно – более сотни полотен в крупнейших музеях мира. Между прочим, по слухам, в негласном конкурсе на звание великого из великих художников в истории, который провели между собой эксперты из Лувра в самом конце XIX века, Тициан проиграл только Леонардо с его «Джокондой».

К ЮБИЛЕЮ МЕРЕЖКОВСКОГО

Это был один из самых просвещенных интеллектуалов Серебряного века и один из основателей русского символизма. А еще выдающийся писатель и поэт, критик, историк, переводчик и религиозный мыслитель. А еще создатель жанра историософского романа. А еще был красой и гордостью русского литературного Олимпа конца позапрошлого века и первой четверти прошлого. Его – тридцатилетнего – в энциклопедии Брокгауза и Эфрона называли «выдающимся поэтом». Даже оппоненты считали его необычайным мыслителем XX века.

Дмитрий Сергеевич Мережковский родился 14 августа 1866 года в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Его отец был видным государственным чиновником – очень высокоорганизованным человеком, с твердыми принципами и строгим в вопросах воспитания детей. Юный Мережковский рано проявил литературные таланты. Его первые же сти-

хи «Сакья-Муни» и «Аввакум» были опубликованы и сразу замечены публикой. Отец, воспользовавшись знакомством со вдовой А.К. Толстого, попросил представить своего талантливого сына самому Достоевскому. Тот слушал стихи юного поэта «с нетерпеливою досадою» и сказал: «Слабо... чтобы хорошо писать, страдать надо, страдать». На что отец возразил: «Нет, пусть уж лучше не пишет, только не страдает». И мудрый Сергей Мережковский напророчил сыну необычайную жизнь – Дмитрий, конечно же, писал и писал много. Но никогда всерьез не страдал, и большие беды почти обошли его стороной. Во всяком случае, нужды он почти не знал даже в эмиграции. А жизнь он прожил бурную и полную исторических потрясений. Но об этом лучше прочитать в толстых биографиях..., а лучше, просто читать его прекрасные книги.

С Тбилиси Мережковского связывает едва ли не важнейшее событие в жизни. Здесь он венчался со своей Зинаидой Гиппиус – также блестящим поэтом Серебряного века. Они прожили вместе «52 года, не разлучаясь ни на один день».

«КУ-КУ, МОЙ МАЛЬЧИК!»

А еще в августе исполняется 120 лет великолепной, неповторимой и гениальной Фаине Георгиевне Раневской. В 1992 году английская энциклопедия «Кто есть кто» включила ее в десятку самых выдающихся актрис прошлого века. И это притом, что главных ролей во всех 70 фильмах с ее участием, ей практически не доставалось. Она сама о себе говорила: «Я есть на всех афишах. Видите, написано «и другие» – так вот, это я». Не понятно, как можно было быть одновременно «королевой второго плана» и «одной из величайших русских актрис XX века». Но так было! И в кино, и в театре, где она сыграла бесчисленное число ролей. После эпизода с ее Манькой-спекулянткой в спектакле театра Моссовета «Шторм» публика попросту уходила. И зрители, и власти ее попросту боготворили. Она была трижды лауреатом

Сталинской премии и Народной артисткой СССР. Раневскую уважал сам товарищ Сталин, а Леонид Ильич Брежнев однажды приветствовал актрису на приеме в Кремле репликой ее уморительно смешной героини из фильма «Подкидыш». Он, увидев Раневскую, радостно воскликнул: «Муля, не нервируй меня!» На что Фаина Георгиевна приторно нахмурила брови: «Так мне на улице кричат только мальчишки-хулиганы!» Генсек смутился: «Простите, просто я вас очень люблю!»

А еще она была необычайно остроумным человеком – ее меткие, емкие и не всегда цензурные высказывания давно превратились в народные и давно стали брендом «как говорила Раневская...» Да и сам чеховский псевдоним Фани Гиршевы Фельдман – так ее звали при рождении – появился весьма необычайно. Однажды она, тогда еще молодая артистка провинциального театра, получила от матери по почте деньги. Та послала их дочери тайком от строгого отца. Но сильным порывом ветра деньги вырвало из рук. Фаина Георгиевна печально посмотрела им в след и задумчиво произнесла: «Денег, конечно, жаль, зато как красиво они улетают!» Ее спутник, тоже артист, воскликнул: «Да ведь Вы Раневская! Только она могла так сказать!»

А еще ее голосом говорила фрекен Бок в мультике «Карлсон вернулся». И фраза «ку-ку, мой мальчик!» был ее привет своему четвероногому любимцу – дворняге по кличке Мальчик. Она, как и всякий человек театра, любила розыгрыши и импровизации. А если без шуток, то скачайте в интернете один из ее немногих заснятых на пленку спектаклей «Дальше – тишина!» Это не комедия. Будете потрясены...

Микаэл Таривердиев

А МУЗЫКА ЗВУЧИТ...

■ **Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ**

Его музыка продолжает звучать, завораживать, влюблять в себя. Каждый день его мелодии кто-то слушает вновь и вновь, а кто-то открывает для себя впервые. С этой музыкой знакомится молодое поколение, и у нее появляются новые верные почитатели, которые пронесут свою верность через всю жизнь.

Да нет, просто не верится, что его больше нет на белом свете. Наверное, Микаэл Таривердиев просто снова ушел в море, и стоит на любимой парусной доске, и несется сквозь волны... Как он любил повторять, «впереди, мне казалось, меня ждет только радость».

В эти августовские дни, когда исполняется 85 лет со дня рождения неподражаемого композитора, эксклюзивное интервью журналу дала Вера Таривердиева. К нашей чести и гордости – давний добрый друг «Русского клуба».

– **Делится ли ваша жизнь на до и после Микаэла Таривердиева?**

– Ну, это так очевидно! Ко-

нечно, да.

– **Как говорил герой Льва Толстого, «не может быть, чтобы в возу гороха две отмеченные горошины легли бы рядом». Видимо, ваша встреча с Микаэлом Леоновичем стала как раз таким случаем. Можно ли назвать вашу жизнь с ним предназначением? И в чем был его смысл?**

– Попробую ответить своей историей. Не знаю, я выбрала музыку, или она – меня. Скорее всего, это был обоюдный выбор. Случилась ли моя жизнь такой, как она случилась, если бы в пять лет я не потребовала от родителей отдать меня учиться музыке? Вряд ли. Музыка водила моей судьбой, музыка для меня радость, работа, утешение. И любовь. Я окончила музыкальную школу в Алма-Ате. Музыкальное училище – в Воронеже. Академию имени Гнесиных – в Москве. Защитила диплом по музыке XIII-XIV веков во Франции, на кафедре полифонии и музыкального анализа. И пошла работать в газету «Советская культура». Это был парадоксальный выбор. Но это

был мой выбор – я жаждала окунуться в музыкальный процесс, который происходит здесь и сейчас. И я, практически не умея плавать, прыгнула в воду с крутой вышки. И, как ни странно, поплыла. Прямо в открытое море. Я никогда не читала до этого газет. Но я сразу стала писать в газете, единственной газете, освещающей культурные процессы Советского Союза, статья в которой могла быть приравнена к судебному приговору. Вот так, не зная правил, я прославилась довольно быстро. И, может быть, случайно. Или нет. Потому что писала, как могла, и то, что чувствовала. Мне было 13 лет, когда я попала в пионерский лагерь «Артек». В Крыму, на пригорке с видом на море, я сидела и мечтала, когда из радиоприемника услышала песню. Я помню это до сих пор. Ощущение мягкой грусти, светлой печали, которое доносилось как будто бы издалека. Оно вошло в меня навсегда. Это была песня «Маленький принц». Автором музыки был Микаэл Таривердиев. Но тогда я этого не знала. Через 13 лет

я позвонила знаменитому композитору и попросила его написать статью о новом произведении Родиона Щедрина для газеты. Мне это было очень нужно. Без этой статьи я не смогла бы уехать на фестиваль, который готовил в Вильнюсе этот самый Родион Щедрин. А я очень хотела попасть на фестиваль в Прибалтике, где я до тех пор не бывала. И откуда родом была моя прабабушка. Микаэл Таривердиев согласился не сразу. Но все-таки написал статью о произведении своего близкого друга. Так я оказалась в Вильнюсе. Там я встретила Микаэла Таривердиева, который шел мне навстречу и улыбался.

Микаэл Таривердиев в детстве. Тбилиси

Весь день мы провели вместе. Вместе ездили на церемонию возложения венков к памятнику Ленина (обязательный ритуал в Советском Союзе), сидели на концерте открытия фестиваля, были увлечены друг другом. А после концерта, в ресторане, на крыше гостиницы «Летува», Микаэл Леонович вдруг спросил, кивнув на стоящее в углу пианино: «Хочешь, я сыграю тебе?» «Нет», — ответила я, засмущавшись. Он встал, подошел к инструменту и сыграл прелюдию «Встреча с женой» из фильма «Семнадцать мгновений весны». Так начался наш роман. А потом была жизнь. В какой-то момент мы поняли, что не можем жить, не можем дышать друг без друга... Я не сомневалась в своей вере. Я верила. И сейчас верю, что мое предназначение — просто любить. И я люблю. И еще, вы

знаете, я поняла: люди не умирают...

— **Когда у Блока, знаменитого еще и количеством романов, спросили, сколько у него было женщин, он ответил: «Две. Любовь Дмитриевна и все остальные».** Это про вашу любовь, правда?

— Ну, об этом лучше бы у Микаэла Леоновича спросить. Он пишет об этом в своей книге «Я просто живу»: «У меня было много женщин. Осталась одна. И жены были двоюродные. Были или не были? Скорее, не были. Я не помнил никого, не помнил, как выглядели прежние женщины, как их зовут. Впервые я был не одинок».

— **Вы были с ним одной крови, по вашим словам. Но все же вы были разными, похожими или очень похожими людьми? Например, он, это известно, не понимал людей, которые могут существовать в беспорядке, обходиться без ежедневной уборки, разбрасывать вещи. Тяжело с этим жить, если ты сам не такой? Как вы уживались?**

— Мы не уживались. Мы просто жили. В замечательном ощущении близости, неразрывности. Конечно, мы разные. Но если любишь, то доставляет огромное счастье делать то, что нравится любимому человеку. А если пытаешься адаптировать его под свои привычки, свои

С первым фотоаппаратом. С отцом

представления — это уже какая-то борьба. Совершенно не нужная. У нас ни в чем не было расхождений. Ни в оценках, ни в ощущениях, ни в восприятии явлений. А спорить — конечно, спорили. Хотя у Микаэла Леоновича была формула: в семье всегда должен быть прав один и тот же человек. Это был, конечно, он. Кстати, это удобно. Не нужно выяснять отношений. А тот, кто всегда прав, всегда будет снисходителен к тому, кто всегда неправ.

— **Что Микаэл Таривердиев дал вам? И что вы дали ему?**

— О том, что я дала ему опять же лучше бы спросить у него. А что он дал мне? Смысл жизни. Это лучшее, что один человек может сделать для другого.

— **Вы говорили, что он был свободным человеком в лучшем смысле этого слова. А в чем выразалось его понимание свободы?**

— Абсолютно во всем. Свободный человек — это тот человек, который сам делает свой собственный осознанный выбор. Микаэл Леонович сделал этот выбор, и его стиль в музыке не похож ни на чей. Он делал выбор в своей судьбе многократно. От женщин и друзей до независимости, в которой просуществовал всю свою жизнь. Он даже родственников выбирал себе сам. Назначал sestрой, теткой. Вот, например,

На первый гонорар Микаэл купил шляпу

наша тбилисская тетя Анаида – вовсе не тетка по крови Микаэлу Леоновичу. У Сато Григорьевны, мамы Микаэла Леоновича, был жених. Звали его Иосиф. У Иосифа было три сестры. Младшую, Анаиду, он иногда брал с собой на свидания. По настоянию Сато Иосиф уехал учиться в Москву, где женился на Елене Христофоровне. А Сато вышла замуж за Леона Навасардовича. Анаида осталась в Тбилиси и всю жизнь дружила с Сато. И Микаэл Леонович был убежден, что она его тетка. Она ею и была. По факту.

– **Известен случай, когда Микаэл Леонович школьником выступил против директора, заступившись за одноклассника. Сохранилось ли в нем это качество – защитника справедливости?**

– Этот школьный случай очень показателен. Микаэл Леонович всегда был и оставался именно таким. Он был невыездным 12 лет. Мало кто знает об этом. Когда в 1961 году вышел фильм «Человек идет за солнцем», первая знаменитая работа Михаила Калика и Микаэла Таривердиева, их пригласили в Париж на фестиваль. Большую делегацию кинематографистов собрали ранним утром у гостиницы «Метрополь». Туда должны были привезти паспорта. Привезли все паспорта. А Михаилу Калику паспорт не выдали. Потому что его не пропустили органы. Он ведь провел в сталинских лагерях четыре с половиной года, его забрали 19-летним мальчишкой с первого курса ВГИКа. Микаэл Леонович сказал, что без Калика не поедет. Глава делегации Пырьев, тогдашний Председатель Союза кинематографистов, уговаривал Микаэла Леоновича, предупреждал, что для него это просто так не может закончиться. Сам Миша уговаривал Микаэла Леоновича поехать. Но он наотрез отказался и без Калика не поехал. И стал невыездным на 12 лет. И так было всегда. Это была норма поведения. Не предать. Ни друга, ни женщину, ни себя. Ис-

ходя из принципов, которые он в себе ощущал и по которым жил.

– **Выдержав конкурс в 7 человек на место, Таривердиев, единственный с оценкой «5+», поступил в класс Арама Хачатуряна и стал его любимым студентом. Важно ли для него было быть первым? Был ли он равнодушен к хвале и к хуле?**

В классе Арама Хачатуряна с Игорем Космачевым. Москва. 1955

– Ему совершенно не важно было быть первым или не первым. Он всегда очень хорошо понимал, насколько распределение по местам относительно. Вот кто первый, Бах или Моцарт? Для Микаэла Леоновича важно было оставаться самим собой. Искать себя, обрести себя, оставаться собой. А хула или хвала? Смотря от кого они исходят. Вообще Микаэл Леонович любил справедливость.

– **В его книге рефреном повторяются слова «впереди, мне казалось, меня ждет только радость». Он действительно жил с этим ощущением?**

– Для Микаэла Леоновича ощущение надежды было одним из ключевых. Можно даже так сказать – веры, надежды, любви. Он не мог жить без любви. А ощущение надежды связано с его верой в возможность сделать мир лучше. В одном из последних интервью он сказал: «Я был наивным и полагал, что музыка может изменить мир». Вот это очень важно для него: стремиться к лучшему, надеяться преобразовать мир, надеяться на то, что мир может быть лучше. И пока он надеялся, он жил.

– **Он нередко повторял такую фразу: «Не люблю режиссеров и иностранцев». Почему?**

– Ну, это, конечно, шутка! Просто ему приходилось много общаться с режиссерами. Шла тяжелая работа, ее было много. Как он говорил Сереже Урсуляку: «Ну что, опять пришли кровь пить?». Но это говорилось с любовью и иронией.

С Андреем Вознесенским. Москва. ЦДРИ. 1978

А лучше всего было Микаэлу Леоновичу, когда он, осененный каким-то новым замыслом, оставался один на один с нотной бумагой и собой, со своим миром. И он был счастлив, как ребенок. При условии, конечно, что письменный стол был свободным, на месте стояла любимая точилка японская, автоматическая, и карандаши были нужной мягкости – ТМ2.

– **Был ли Микаэл Леонович аполитичен?**

– И был, и не был. Он был аполитичен в самом лучшем смысле слова, когда человек существует в пространстве человеческого. Человеческого с большой буквы. Ведь что такое политика? Попытка установить правила между людьми. Они же необходимы! Но к каким правилам приходят люди – большой вопрос, и это для Микаэла Леоновича было не безразлично. А политиков он вообще-то недолго любил. Знаете, когда мы в 1996 году жили наши последние два месяца, и провели их в Сочи, в России шли выборы. По-моему, в июне. Было два кандидата в президенты – Зюганов и Ельцин. Микаэл Леонович уже почти не ходил. Так он послал меня на избирательный участок, чтобы я проголосовала и за него, и за себя. За Ельцина, конечно. Не любил он коммунистов. Очень.

– **Помните, у Пушкина: «Ты царь, живи один. Дорогою свободной/ Иди, куда влечет тебя свободный ум,/ Усовершенствуя плоды любимых дум,/ Не требуя наград за подвиг благородный./ Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;/ Всех строже оценить умеешь ты свой труд»... Это про Микаэла Леоновича?**

– Да, и про него, и про всех людей, в которых моральный, Божеский закон – превыше всего.

– **Он был невероятно стильным мужчиной. Как вам кажется, это врожденное или воспитанное в себе свойство?**

– Это и врожденное, и воспитанное – ведь он из семьи, где положено было переодеваться к обеду. И когда мы по-свойски иногда ужинали

вдвоем, он говорил: «Видела бы нас моя мама». Один из дядюшек его мамы был знаменитым тбилиским франтом. Он выезжал на трех экипажах. На первом ехала его трость, на втором – шляпа, на третьем – он сам. Но вообще-то в Микаэле Леоновиче была какая-то удивительная элегантность. Самые простые пиджаки на нем смотрелись как дорогие. Но все равно это не внешняя стильность. Это нечто, связанное с внутренним состоянием, с тем, что из себя представлял.

– **«Фотография стала для меня частью жизни, может быть, даже в какой-то мере продолжением моего творчества», – писал он. Расскажите об этом его увлечении.**

– Фотографировал Микаэл Леонович с детства. Есть даже его детская фотография с фотоаппаратом, подаренным отцом. Он ходил в кружок во Дворце пионеров, тот, что был во Дворце заместителя Воронцова, на проспекте Руставели. Он даже говорил: вы можете назвать меня плохим композитором, но не называйте меня плохим фотографом. Микаэл Леонович без фотоаппарата никуда не ездил. И очень любил пойти гулять вдвоем с фотоаппаратом. Меня очень много снимал. У него была своя маленькая фотолаборатория в квартире. Мне туда запрещено было входить. В шутку, конечно. Но он даже убирался там сам.

– **Микаэл Леонович подробно написал об этом в своей книге, но я не могу не затронуть эту тему – Таривердиев и Тбилиси. Что ему вспоминалось чаще всего, какие люди и места в Тбилиси вызывали у него ностальгию? Что, на ваш взгляд, в нем от тбилисца?**

– Тбилиси... Вы знаете, само это слово вызывало в нем какое-то особое чувство. Он мне его передал. Люди... Мама, конечно, в первую очередь. Соседи из их двора. В Москве мы общались со Львом Александровичем Кулиджа-

Микаэл и Вера

На балконе родительской квартиры

новым, Евгением Максимовичем Примаковым. Тбилисская компания собиралась... Всех даже не буду перечислять. Лучше первую главу из его книги прочесть – «Тбилиси – полифонический город». Только тетушку вспомню. Младшую сестру Сато Григорьевны, которая пела всегда только Шуберта и считала, что ее голос лучше всего звучит в туалете. Вообще Микаэл Леонович – очень тбилисец. Я это остро чувствую. У нас есть старый, очень старый чемодан. Там лежат детские рукописи Микаэла Леоновича, Гарика, как его называли в Тбилиси. На нем рукой Сато Григорьевны написано: «Старые ноты». Я очень люблю рыться в этом чемодане из Тбилиси. Нашла там, например, такую записку: «Дорогая мамоч-

Любимое увлечение – виндсерфинг. Крым. 1982

ка, приезжай скорее и привези насос». Совсем детским почерком. Мне всегда очень хотелось поехать в Тбилиси. Но вместе нам сделать это не удалось. Когда я впервые сюда попала, мне даже стало казаться, что я родилась именно здесь, в Тбилиси. Может быть, Тбилиси вернул мне ощущение ЭТОЙ жизни, стал возвращать меня из пребывания в ДРУГОЙ? Не знаю. Попала я сюда в сентябре 1996 года, когда казалось, что приземление уже невозможно. Марк Рудинштейн пригласил присоединиться к «Кинотавру», который постелил звездную дорожку ко входу во Дворец спорта, и по ней шли наши звезды вместе с неподражаемыми грузинскими актерами и режиссерами. Это было. И я шла по этой дорожке. И думала. И не знала, что сказать, представляя его музыку трем тысячам человек, сидящим в зале и живущим в городе, где родился Микаэл Таривердиев. Где его всегда помнили и любили. Полифоническом городе Тбилиси. И я сказала. Что он мечтал вернуться в Тбилиси на «Мерседесе». И чтобы в нем сидела Лолита Торрес. Тбилиси меня понял. И принял. И вошел в меня. И никогда не отпускал.

– А как часто вы приезжаете в Тбилиси? К кому, по каким поводам?

– После 1996 года я приезжала в Тбилиси часто, не меньше двух раз в году. Или были концерты, или я просто приезжала пожить на улице Давиташвили, в Соллаки, неподалеку от дома Микаэла Леоновича. А потом как-то так получилось, что я долго, очень долго не была в Тбилиси. Хотя я знаю и видела, какие чудесные вечера проходили в театре имени Грибоедова, и огромное спасибо за это Николаю Свентицкому. Умерла наша тетушка Анаида. И как-то не было точки приземления, что ли. Теперь же, снова побывав в Тбилиси, я поняла, как была не права. Ведь я всегда приезжала в Тбилиси к Тбилиси. Прежде всего. И к Микаэлу Леоновичу тоже. И я буду приезжать, несмотря ни на что.

– Как складывается сегодня ваша жизнь? Расскажите о Фонде творческого наследия Микаэла Таривердиева, о музыкальной школе и конкурсе органной музыки его имени.

– Вот так и складывается – с Международным конкурсом органистов. Он проходит раз в два года в Канзасе, Гамбурге, Москве, Калининграде и уже расширился до крупного международного проекта. И нужно трудиться постоянно, не покладая рук. Конкурсы даже стали летоисчислением. Кроме этого – концерты в разных городах и странах. Выпуск дисков. Недавно вышло изумительно изданное англичанами издание трех винилов, трех дисков и альбома и вызвало огромное количество отзывов по всему миру. Над этим изданием мы работали вместе с замечательными людьми, ставшими моими близкими друзьями. А началось с того, что композитор и исполнитель Стивен Коутс услышал в Москве, в каком-то кафе, музыку, которая его пронзила. Он попросил отдать ему диск, который звучал. Он не знал, что это и кто это – диск был издан порусски. Уже из Лондона послал фотографию обложки и спросил, что это. Это оказался диск музыки Микаэла Леоновича. И он стал его изучать. А через четыре года подготовил большой проект, о котором я упомянула. Вот это и составляет мою жизнь. Конкурс, люди, которые иногда сваливаются как будто с неба, исполнители, музыканты, концерты.

– Вы знаете, что Тбилиси помнит Микаэла Таривердиева, гордится своим великим соотечественником. Может быть, стоит подумать о музыкальном конкурсе имени Таривердиева на грузинской земле?

– Мне очень дорого то, что в Тбилиси Микаэла Леоновича не просто помнят, а любят. Потому что он такой тбилисский! Он такой свой! Еще один конкурс... Я не знаю... Это должно быть очень продуманно, естественно и осмысленно. Но юбилей Микаэла Леоновича мы обязательно будем отмечать в Тбилиси! 24 октября в Большом зале консерватории состоится концерт органной музыки, 25 октября на юбилейном концерте в Тбилисском театре оперы и балета выступят Алексей Горibold, трио «Меридиан», Термине Зарян, Сандро Небиеридзе, за дирижерский пульт встанет Александр Поляничко. Вы знаете, концерт в Тбилисской опере был моей мечтой. Я прямо так и видела: люди входят в театр и видят детскую фотографию Микаэла Леоновича, где ему лет пять. Я ее просто обожаю. У него такие глаза! И афишу 1949 года, где среди участников концерта «Балетный дивертисмент» значится композитор Микаэл Таривердиев – тогда еще Гарри Таривердиев. Ведь это был дебют Микаэла Леоновича, официальный дебют. И у него случился первый настоящий роман – с балериной. И он получил свой первый гонорар. И купил свою первую шляпу. А вы спрашиваете, что нас связывает с

Микаэл и Вера Таривердиевы

Тбилиси! Я хочу прочитать вам мое стихотворение о Тбилиси. Называется «По дороге в Грузинское посольство». Просто вдруг пришло в голову, как воспоминание. Как-то раз в Москве я шла на улицу Палиашвили, где в Посольстве Грузии в тот день был концерт и выставка фотографий Микаэла Леоновича. И этот текст свалился на меня, как будто сверху.

Нет электричества.
Тбилиси. Мрак.
Лишь призрак города
Слоняется без дела
По старым мостовым.
Как безнадежно
Его желанье набрести на свет
В крошечной тьме почивших улиц.
Тбилиси,
Разожги свои костры.
Пусть тысячи свечей
Тебя согреют, призовут на бал,
И тех, кто умер,
И кто выжил
В надежде,
Что вспыхнут
Голоса грузинских певчих.
Тбилиси,
Одари вином
Всех,
Кто изнемог от жажды
По тебе,
Тбилиси.

ПАМЯТИ АКТЕРА И ХУДОЖНИКА

■ Игорь МИНЕЕВ

Тбилисский русский драматический театр им. А.С. Грибоедова долгие годы был и сейчас остается одним из наиболее значимых центров культуры Грузии, средоточием известных и популярных на всю страну актеров. Недавно ему исполнилось 170 лет, и столь знаменательной дате было посвящено вышедшее в Тбилиси прекрасное подарочное издание «Русский театр в Грузии 170». Объемное и красочное, оно по возможности максимум включило в себя всю историю театра, основные события, происшедшие с ним за этот более чем полуторавековой период, вспомнило сотни известных людей, приложивших свою душу и талант к развитию и этого театра, и высокой культуры, как грузинской, так и всей обширной страны.

Естественно, вышедшая книга потребовала огромного труда, но и она не смогла включить в себя всех людей, живших на сцене театра, обеспечивавших грамотно организованные гастроли, подготовку и ведение спектаклей (администраторов, помрежей, звукооператоров, гримеров, портных, хореографов...). Не смогла, да и в принципе не могла дать всей той интересной информации,

Михаил Минеев

которая могла бы еще более «расцветить» полнокровную и интересную историю театра.

Попробую в этой статье закрыть несколько «пробелов».

В труппе театра Грибоедова в разные времена было много не только просто одаренных актеров, но и людей, проявивших свой талант и в других сферах деятельности. Примеров можно привести немало.

Так, Иван Русинов был не только прекрасным актером, но и (обладая отменной дикцией и памятью) уникальным чтецом. В дальнейшем он оставил драматическую сцену и полностью посвятил себя второй ипостаси своего дара. Он стал, без преувеличения, лучшим чтецом страны (это подчеркивается во всех материалах о Русинове), обладал поразительной памятью. Так, за одну ночь он наизусть выучил «Витязя в ти-

гровой шкуре». Для этого ему было достаточно прочесть книгу всего два раза.

Ефим Байковский – уникальный по своему характеру и актерским данным человек. Особенно он выделялся статью, чего только стоит исполнение им в грибоедовском театре роли Арбенина! Но не очень известен факт, что, переехав в Москву и став ведущим актером театра Маяковского, он одновременно многие годы был «главным» Дедом Морозом страны. Фактура, голос, умение обратить на себя внимание и общаться с детьми – все это великолепно и органично сочеталось в одном человеке. На его елки в Кремле просто невозможно было попасть.

Еще один пример. Анатолий Левин. Хороший характерный актер, оригинальный и даже несколько наивный в быту (уди-

вительно поддавался на различные розыгрыши других актеров). Вторым его призванием была фотография. Вначале у него получались любительские и не очень профессиональные снимки. Но со временем мастерство оттачивалось, и его фотографии стали активно использоваться театром, обрели популярность среди актеров. Если разобрать его залежи пленок, то любого сотрудника театра там можно найти в десятках различных исполнений.

Продолжая тему проявления вторых талантов у актеров-грибоедовцев, в этой статье я хочу рассказать о своем отце – заслуженном артисте республики Минееве Михаиле Петровиче.

Родился отец в Тбилиси в 1918 году. Окончив школу, в 1936 году поступил в Тбилисскую академию художеств. Проучился там более года, и хотя был одним из лучших студентов, любовь к театру все же пересилила. Он переводится в студию при театре им. А.С. Грибоедова.

Здесь, как вспоминали сокурсники, отец выделялся не только своим ростом (под 190 см), но и актерскими данными – четким и правильным произношением, приятным тембром

В роли Максима Горького

В роли Феликса Дзержинского

голоса, умел хорошо сам гримироваться. Уже тогда его заметил Георгий Александрович Товстоногов и стал доверять ему не только эпизоды, но и довольно значимые роли в спектаклях театра (в пьесах Шекспира, Шиллера, Островского, братьев Тур, Куприна, Антоновской, Хейерманса, Погодина, Ш.Дадиани и др.).

В 1941 году отец окончил студию и сразу был зачислен в труппу театра. Но началась война, и, не проработав на сцене и двух месяцев, отец добровольцем ушел в действующую армию.

Военные годы отец не очень любил вспоминать. Его, как актера, на фронт не отправили, хотя он неоднократно об этом просил. По распределению он был направлен в Сибирь, ох-

ранником в один из лагерей для немецких военнопленных. Попробую кратко привести его слова о том времени. «Мне, как человеку южному, возможно, пришлось сложнее, чем другим. Если кто-то думает, что нашим служивым там было сладко, сильно ошибается. Ходить по периметру, стоять на вышке в 30-градусный мороз, поверь, дело не из приятных. От холода наших гибло не меньше, чем немцев. Помню, один из солдат решил опорожниться. Его так и нашли замерзшим, со спущенными брюками. А немцы сидели в бараках. Правда, случилось, убежали. Но куда? Это у них там селение через каждый километр, а здесь? Да на пятьдесят верст ни одной хаты! Убегать-то они убегали, но нам приходилось их отыскивать (ко-

С супругой Надеждой

нечно, уже замерзших), а иначе могли поплатиться головой и мы. Меня только спасало, что иногда, вместо дежурства, мне давали каморку, где я рисовал различные плакаты».

Отслужив в лагере год (такое было распорядок), Михаил Минеев был направлен в Среднюю Азию на ртутные рудники в качестве помощника инженера. Людей гибло там значительно больше. Слава Богу, отцу не пришлось спускаться в шахты. Пленные немцы вообще, даже под расстрелом, отказывались это делать. А наши арестанты спускались. После этого жили максимум месяц-другой.

Вернувшись в Тбилиси с войны, отец в 1945 году был принят в труппу русского ТЮЗа. Уже через год роли стали сыпаться на него, как из рога изобилия. Он был занят практически во всех спектаклях, а в большинстве из них играл главные роли. Назову только некоторые из них: «Василиса Прекрасная» – Иванушка, «Отверженные» – Жан Вальжан, «Овод» – кардинал Монтанелли, «Грач – птица весенняя» – Н.Бауман, «Гроза»

– Тихон, «Гастелло» – Валерий Чкалов, «Три мушкетера» – Атос, «Слуга двух господ» – Флориндо, «Город мастеров» – Караколь, «Финист – ясный сокол» – Финист, «Аленький цветочек» – купец, «Снежная королева» – сказочник, ведущий спектакль, «Хижина дяди Тома» – дядя Том... и др.

Надо сказать, что у отца было огромное количество поклонников, особенно поклонниц. После спектакля они десятками ждали отца у выхода из театра. Зачастую, чтобы не попасть в их «лапы», ему приходилось отсиживаться в гримерке или покидать театр обходными маневрами. Десятками приходили и письма. Сейчас трудно в это поверить, но вплоть до своей кончины (а это в течение 40 лет!) отец на каждый Новый год или день рождения получал от поклонниц поздравительные письма и телеграммы.

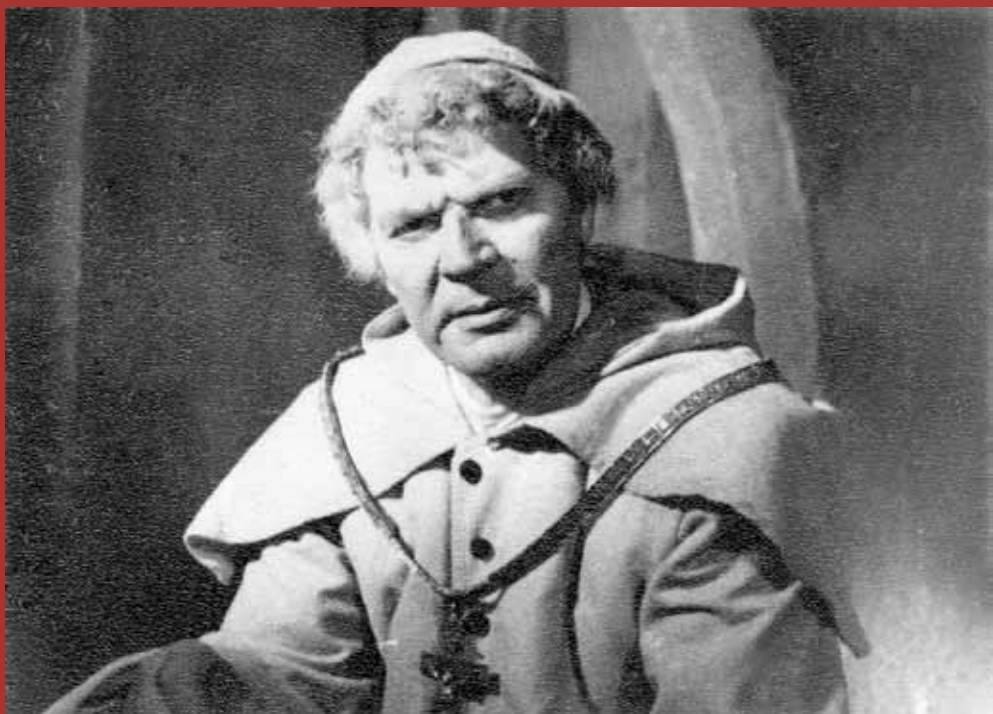
Еще один пример. На похороны отца пришли три женщины. Они подошли к матери со словами: «Мы, три подруги, со школьной скамьи и все эти годы были поклонницами вашего мужа. Хотим на память передать вам альбом с его фотографиями, которые мы собирали всю жизнь». Надо сказать, что

ни мама, ни я столько фотографий отца никогда не видели. Это были сотни снимков почти из всех спектаклей и даже продававшиеся в ларьках открытки с компоновкой ролей отца (мы даже и не знали, что такие выходили).

В 1946 году отец женился на моей маме – Самариной Надежде Тимофеевне, с которой счастливо прожил более 40 лет. Познакомились они еще в Академии художеств. Мама на «отлично» окончила Академию, где была ученицей знаменитого преподавателя, одного из основателей этого учебного заведения И.А. Шарлеманя, и сразу стала известной художницей (на персональной выставке Надежды Самариной великий Ладос Гудиашвили назвал ее лучшей художницей Грузии, о чем с некоторой обидой маме часто напоминали ее коллеги). Заслуженный деятель искусств, она во время войны выполняла государственные заказы (расписывала отправляемые на фронт так называемые «сталинские вагоны», за что была представлена к награде).

После войны мама сотрудничала с театрами в качестве художника, работала на киностудии «Грузия-фильм» (рису-

В роли кардинала Монтанелли

вала мультфильмы, в частности, «Цуна и Цруцуна» и др.). Затем многие годы сотрудничала с Худфондом, была главным художником Министерства культуры и Союза журналистов. Все крупные художественные работы и заказы отец выполнял вместе с нею.

В 1956 году отец был приглашен в театр им. А.С. Грибоедова, где и проработал почти 30 лет.

За это время им были сы-

Дружеский шарж на Мавра Пяецкого

граны многие десятки ролей. Все их перечислять, видимо, нет смысла: он играл в пьесах Шатрова и Розова, Арбузова и Б.Шоу, Островского и Чехова, Алешина и Шукшина, Штейна и Шварца, в пьесах по Лескову и Достоевскому. Играл Горького, Дзержинского, Дон Кихота, хорошо ему удавались роли военных. Среди последних крупных ролей стоит отметить весьма удачную роль отца Сарафанова в спектакле Вампилова «Старший сын» (в театральной версии – «Свидания в предместье»).

Всего за годы работы в ТЮЗе и театре Грибоедова отец сыграл более 140 ролей, из них свыше 40 главных. За доблест-

ный труд он был удостоен нескольких медалей, более десятка грамот Верховных советов и Министерств культуры нескольких республик. Во время декады искусства Грузинской ССР в Москве за исполнение роли А.М. Горького в пьесе «Грозовой год» отец был награжден медалью «За трудовое отличие», а автор пьесы – крупнейший на то время драматург и сценарист, ведущий телепрограммы «Кинопанорама» А.Я. Каплер официально написал, что М.П. Минеев является лучшим Горьким в стране.

Если говорить о любимых ролях (о которых чаще упоминал отец), то в ТЮЗе, я думаю, это Монтанелли. По крайней мере, после выхода фильма «Овод» в 1955 году отцу пришлось несколько сотен (это точно) возмущенных писем, почему не он снимался в этой роли, а Симонов. В Грибоедовском, – видимо, не раз сыгранные роли Горького и Дзержинского (он часто представлял эти образы на популярных тогда праздничных и юбилейных мероприятиях).

Надо сказать, что отца многие годы и неоднократно (особенно в 60-е годы) приглашали в различные театры страны. Среди них были как провинциальные, так и ведущие. К последним можно отнести театр им. Вахтангова и БДТ. Так, сам Г.А. Товстоногов несколько раз присылал письма с таким предложением, а Евгений Лебедев (с ним отец дружил еще в ТЮЗе) дважды сам приезжал к нам домой и уговаривал отца.

Но отец оставался непреклонен и верен своему любимому театру.

Следует сказать, что отец не ограничивался только работой в театре. Он озвучивал многие грузинские фильмы, мультфильмы, неоднократно снимался в кино. У него около 50 киноработ. Среди них можно назвать такие, как «Судьба женщины», «Тайна двух океанов», «Земля, море, огонь, небо», «Пропаж свидетеля» и др. Интереснее всего, что где-то в 1967 году

Дружеский шарж на Наталью Бурмистрову

он снялся в первом в СССР рекламном ролике, который поручили подготовить «Грузияфильму». Более того, этот ролик о вологодском масле занял призовое место на одном из крупнейших европейских кинофестивалей.

И все-таки стоит признать, что альянс с кинематографом у отца не очень сложился. Его раз десять вызывали в Москву для кинопроб на роли Горького и Дзержинского. Увы, хотя все говорили, что пробы у него лучшие, но в фильмах, как это часто бывает, в итоге снимали «своих».

Неудача вышла и со зна-

Дружеский шарж на Георгия Товстоногова

М.Минеев. Портрет Котэ Марджанишвили

менитым фильмом «Отец солдата». В нем отец снимался более месяца. Мы дождалась премьеры и всей семьей направились в кинотеатр. Досмотрели фильм до конца, но отца на экране так и не увидели. Потом узнали, что случилось. Фильм повезли в Москву на утверждение. Критики посмотрели и решили, что фильм несколько затянут (было 2 серии по полтора часа). Дали указание сократить его до одной двухчасовой серии, что и было сделано. Вырезали большими кусками. Отец в фильме играл начальника станции (где потом главный герой тайно влез в военный эшелон). Там было много событий: Махарашвили долго общался с начальником станции, чтобы тот отправил его каким-либо поездом, затем на станцию прибыл эшелон с беженцами, с которыми много общался отец солдата, на станции было много неразберихи и кутерьмы. Отец все это «разруливал» и должен был быть в кадре чуть ли не с полчаса. Но, увы, все это вырезали.

И все же отец снимался в фильмах достаточно, чтобы смело говорить: он не только

артист театра, но и кино.

Однако главное, что хочется подчеркнуть в этой статье: отец никогда не оставлял свое первое увлечение – карандаш и кисть. Он сотрудничал со многими журналами, газетами – «Заря Востока», «Вечерний Тбилиси», «Лело», «Советский спорт». Рисовал в них не только заставки к различным рубрикам, но и публиковал десятки карикатур на злободневные темы.

В республике отец известен был так же, как оформитель различных выставок, новогодних елок, как прекрасный ретушер. Если помните, в 50-60-е годы прошлого столетия были очень популярны портреты, выполняемые ретушерами. Они были практически во всех домах. Посвящались обычно ушедшим из жизни родственникам, погибшим на войне солдатам. Заказы на эти портреты собирали агенты (обычно фотографы-кустары), которые для этого ездили по всем городам и селам. Они переснимали старые, зачастую в ужасном состоянии фотографии на фотобумагу и приносили их ретушерам. Отцу, как правило, доставались хотя и хорошо оплачиваемые, но самые сложновыполнимые работы.

Как художник отец сотрудничал и со многими государственными учреждениями. Так, Министерство культуры Грузии, зная отца как прекрасного ретушера (консультанта, а затем и главного художника своего производственного цеха), попросило его к юбилею театра Марджанишвили с маленькой и бледенькой фотографии нарисовать портрет знаменитого основоположника грузинского театрального искусства. Отец выполнил это ответственное поручение (все единодушно – с блеском), и портрет стал настоящим лицом марджановского театра. Интересный факт. Все фотографии Марджанишвили в Интернете взяты с этого, выполненного отцом, портрета. Но почему-то на фоне присутствует какая-то лестница. Я никак не

мог понять, этого на портрете просто не было. Объяснил сын. Фотограф снимал портрет, помещенный под стекло. В отражении стекла и отразилась лестница, видимо, стоящая сзади в помещении, где делался снимок. Здесь уж явная промашка фотографа. И никто ее не заметил!

Где-то в 1969 году руководство страны решило, что настало время воссоздать максимально реалистичный образ Ленина, что все имеющиеся фотографии и картины ему не совсем соответствуют. Из сотен фотографий выбрали одну, видимо, 1920 года. Вся в нечетких разводах, выцветшую, грязного бледно-желтого цвета. На ней был изображен Ленин, сидящий за столом, положивший на него руки с локтями и слегка подавшийся вперед. Размер его лица не превышал полутора сантиметров. Создать портрет с такой фотографии было делом нелегким. Вначале дали это поручение четырем лучшим художникам-ретушерам Москвы. Но их работы забраковала строгая кремлевская комиссия. Затем фотографию привезли в Тбилиси, как во второй культурный центр страны. Но и здесь работу двух ведущих художников забраковали. И тут кто-то вспомнил об актере, который хорошо ретуширует. Две недели мать с отцом в четыре руки выполняли этот государственный заказ (при этом сотрудник органов неотлучно находился при фотографии). Отец брал на себя основную работу, мама занималась окончательной доводкой деталей. Наконец работа была выполнена, вскоре портрет был утвержден правительственной комиссией, а через месяц-другой знакомый портрет разных форматов и оттенков заполнил все магазины города. Его продавали везде, где разрешалось реализовывать печатную продукцию. Тиражи, без преувеличения, были многомиллионными. У кого ни спрашиваю, все уверены, что это отличная «живая» фотография. Да, фотогра-

фия присутствовала, но видели бы они ее! А если говорю, что это нарисовали мои родители, скептически кивают и чаще всего не верят. Смешно другое. Я часто вижу этот портрет в фильмах, посвященных эпохе 50-60-х годов, а то и в военных. И зрителям, конечно, невдомек, что это, признанное лучшим «фото» вождя пролетариата появилось только в 1970 году.

И все-таки отец среди окружающих был известен не столько своими картинами или изображениями известных людей, сколько многочисленными шаржами. Все друзья и сослуживцы помнят, что он никогда не расставался с карандашом и бу-

М.Минеев. Фотопортрет Владимира Ленина

магой. Быстро схватить основные характерные черты лица, быстро набросать их на бумаге и преподнести этот дружеский шарж изображенному человеку – это было неотъемлемой частью его общения. Где бы ни гастролировал театр, во всех городах информация или статьи о приехавшем театре и его репертуаре всегда выходили с дружескими шаржами отца.

На карандаш отцу попадали не только грибоедовцы, но и

многие актеры других театров страны (большинство в сценических образах), известные деятели искусства и культуры (особенно Грузии), спортсмены.

Увы, многие шаржи не сохранились, поскольку все они набрасывались в «полевых» условиях (на встречах, застольях, в беседах, путешествиях), писались и сразу отдавались на память (а ксероксов или чего-либо подобного тогда не было). Остались в основном те, которые готовились к печати либо рисовались неоднократно. Но и их достаточно, чтобы представить на суд читателя.

Очень трудно сказать о приоритетности для отца профессии актера или художника. С одной стороны, рисованием он мог заработать раз в пять больше, чем в театре. Но этим особенно не пользовался, ведь все свои рисунки, шаржи (да и многие живописные работы) он делал просто так, дарил друзьям. В газетах печатался не ради денег.

Думается, что отношение отца к этим двум любимым музам можно определить так: искусство – промысел, средство дохода и одновременно удовольствие, работа в театре – увлечение и страсть всей жизни.

Если говорить об отце, как о личности, то, особо не лукавя, следует сказать о его талантливой многогранности, но одновременно и скромности. Так, я только лет в 20 узнал, что он занимался и спортом. И не просто занимался, а оказывается, был чемпионом вооруженных сил республики по плаванию, чемпионом по стрельбе. Он даже был за это награжден специальным ружьем (которое, увы, во время войны было конфисковано).

Близкие друзья знали его не только как актера и художника, но и как скульптора (хотя работал он в основном с пластилином), хорошего певца и танцора (что иногда демонстрировал на сцене). Он был замечательным чтецом, прекрасно рассказывал анекдоты, зачастую был

не только душой застолья, но и тамадой. При этом умел пить и никогда не пьянел. Думаю, мало кто может похвастаться тем, что никогда не видел своего отца пьяным.

У отца с матерью было множество друзей. Двери нашего дома всегда были широко открыты. У нас часто собирались ведущие актеры (и не только грибоедовцы), певцы, музыканты, художники.

С отцом было легко и интересно общаться. В театре его любили все. Он никогда и никого не подсиживал, не дрался за роли, вообще был неконфликтным человеком. Актеры его уважали и за то, что имея вторую, намного более денежную, специальность, он был не столь зависим от руководства театра. По этой причине его постоянно избирали председателем местного комитета: он мог, не особенно опасаясь, всерьез отстаивать интересы сослуживцев. Именно поэтому у отца иногда возникали некоторые кратковременные сложности с руководством театра.

Обобщая вышеизложенное и подводя итог статье о моем отце – заслуженном артисте Грузинской ССР Михаиле Петровиче Минееве, – можно резюмировать, что это был талантливый актер, хороший художник и очень даже неплохой человек, который преданным и посильным трудом внес свою определенную лепту в театральное искусство и культуру Грузии.

Умер отец в ноябре 1987 года, не дожив лишь пары месяцев до своего 70-летия. На панихиде и похоронах присутствовал весь культурный мир города: актеры и руководители театров, сотрудники газет, киностудии, Министерства культуры, ведущие художники. Люди, кто хоть как-то и когда-либо соприкасались с искусством. Сосед после похорон сказал мне: «Ты знаешь, я прикинул, за эти три дня к твоему отцу пришло не менее пяти тысяч человек!»

Значит, не зря жил отец.

МАСТЕР ПРИТЯГАТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

100 лет со дня рождения исполнилось видному грузинскому художнику-карикатуристу Андро Канделаки

■ Марина МАМАЦАШВИЛИ

Притягательным и эмоциональным искусством издавна величают необъятный мир графики. Пишу, рисую – именно так переводится с греческого слово «графика». Китайцы считали, что линия в графических работах – это движение мысли и сердца. Притягательность объясняется тем, что глаза зрителя неотрывно следуют за движением мысли, а эмоция возникает от сути изображаемого. Искусство графики многообразно: это карикатура и политический плакат, газетно-журнальный рисунок, книжные иллюстрации, рисованные фильмы, рекламы. И если в наше время в газетах и журналах редко встретишь рисунки и карикатуры, то еще в недавние времена это был, пожалуй, один из самых популярных жанров как в специализированных юмористических изданиях, так и в газетах, и журналах. Работы Андро Канделаки были не просто узнаваемы, их ждали, о них писали и рассказывали. Его произведения были меткими, злободневными, остро реагировали на события, они жили в ритме действительности и именно это придавало им особую ценность.

Андрей Канделаки родился 15 марта 1916 года. Но прежде чем мы расскажем о нем, хотелось бы вспомнить его родителей, их окружение и время, в которое им выпало жить. Чем дальше отодвигается от нас, сегодняшних, прошедшая эпоха, тем интереснее вглядываться в судьбы людей, в то, как устанавливался новый режим, как порой беспощадно рушилось все привычное, как исчезали люди, неугодные власти, как часть населения вынужденно приспособлялась к новым условиям, чтобы выжить, чтобы сохранить жизнь себе и близким.

Однако до резкого поворота колеса истории были годы, когда будущий отец Андрея Валерьян (все его называли Валико) вслед за старшим братом Виктором уехал из Кутаиси в северную столицу и поступил на филологический факультет

Андрей Канделаки

Петербургского университета. Валико, как и его брат, прекрасно учился и в студенческие годы стремился использовать каждую возможность увидеть и узнать мир. Он подрабатывал репетиторством, чтобы на каникулах путешествовать по Европе: только в Италии он побывал шесть раз. А в первый свой зарубежный вояж Валико отправился в качестве сопровождающего юного Петрушу Елисеева – сына известного предпринимателя Григория Елисеева, владельца роскошных гастрономов на Невском в Петербурге и на Тверской в Москве. Они осмотрели достопримечательности Лондона и отправились в Париж, где Петруша Елисеев, улизнув от наставника, ринулся вкушать «запретные плоды» отнюдь не на Елисейских полях. Валико нашел юношу и срочно отвез в Петербург.

Кто мог тогда предположить, что вскоре вся Европа станет ареной кровопролитной войны, а Россия будет объята пожаром революции, и придется забыть не только о путешествиях, но и о многом из привычного уклада жизни.

А пока Валерьян Канделаки после успешного окончания университета был назначен инспектором реального училища в Гатчину, небольшой город, уютно разместившийся под сенью строгого Павловского дворца и огромного тенистого парка с зеркальными озерами. На улицах Гатчины еще можно было встретить прогуливающегося без всякой охраны великого князя Михаила с красавицей супругой, которую гатчинцы продолжали именовать «мадам Брасовой». Из-за морганатического брака с бывшей женой кирасир-

ского офицера Михаил Романов лишился права на корону империи, но это не нарушало его счастья и покоя.

Гатчина еще жила спокойной и по-своему насыщенной жизнью того времени. Недалеко от дворца находилось огромное поле, куда все от мала до велика сбегались смотреть на полеты летательных аппаратов. В свободные от полетов часы первые русские авиаторы играли с барышнями в парке в волан (так называли раньше бадминтон). В Гатчине в те годы жил Александр Куприн. Когда ему хотелось расписать пульку, он вывешивал над крышей своего домика пиратский флаг. По этому сигналу у него собирались гости, в числе которых был протоиерей Александр Александрович Калачев – известный всем в Гатчине, уважаемый и любимый за благородство, интеллигентность и образованность.

Именно его старшую дочь – Марию Александровну полюбил с первого взгляда Валерьян Канделаки, встретив ее на балу.

Молодые поженились. В 1916 году родился Андрей.

С фронтов Первой мировой войны каждый день приходили тяжелые известия, потоком прибывали раненые. Во дворце развернули госпиталь, с начала войны здесь медсестрой работала сестра Марии Александровны – Наденька. Наступил 1917-ый. Все перевернулось, жизнь словно бы потекла вспять. Гатчина несколько раз переходила из рук в руки. За спасение раненых офицеров, которых удалось укрыть от красных, Наденьку наградили Георгиевским крестом. А потом окончательно утвердилась диктатура большевиков. В суровом и голодном 1918 году в

Валерьян Канделаки

Чета Канделаки с детьми Андреем и Мариной

семье Валерьяна и Марии Канделаки появилась дочь Марина.

С каждым месяцем таяла надежда, что террору скоро придет конец. Семья Канделаки приняла решение ехать в независимую Грузию. Сначала обосновались в Кутаиси, где Валерьян Андреевич возглавил гимназию. После советизации Грузии, опасаясь репрессий, семья приняла решение переехать в Тифлис.

Валерьян Андреевич преподавал в промышленно-экономическом техникуме, работал над составлением русско-грузинского словаря железнодорожных терминов. В семье появилась еще одна дочь – Наталья.

– Папа скончался, когда мне было всего шесть лет, – рассказывает педагог русского языка и литературы на пенсии Наталья Валерьяновна Канделаки, – мама говорила, что если бы в 1933 году был стрептоцид, его удалось бы спасти. Мама, Мария Александровна, в течение лет ежедневно поднималась на Верийское кладбище, но и в безутешном горе она часто повторяла: «Это чудо, что Валико не арестовали, что мы можем пойти на его могилу».

Такое уж было время. Памяти отца Александра Калачева правнуки могут поклониться на Мемориале жертвам сталинских репрессий в Левашовской пустыне в Санкт-Петербурге. Несмотря на гонения церкви, он продолжал вести службу, но в 1938 году с большой группой священнослужителей был арестован в возрасте 78 лет и погиб в тюремных застенках.

...Воспоминания о детстве, юности и молодых годах с числом прожитых лет расцветаются все новыми подробностями. Маленький эпизод давно прошедшего и, казалось бы, забытого

Тата и Андрей Канделаки

вдруг наполняется деталями и красками, и понимаешь, откуда берет начало та или иная черта характера, та или иная склонность к чему-либо. Когда младшая сестра Андрея Канделаки Наталья вспоминает, каким был ее брат, что ей рассказывали о нем домочадцы, становится ясно, что умение фантазировать и видеть мир вокруг себя несколько иначе, чем другие, безусловно, крылось в его художественных способностях. И проецируя эти рассказы на обстоятельства того времени, когда не было карандашей и бумаги в достаточном количестве, когда игрушки заменялись ветками и камнями, а игры со сверстниками выявляли качества лидера, смелость и отвагу, яснее представляешь, каким был Андрей Канделаки.

Дворовые игры требовали не только физических качеств лидера, но и фантазии, вымысла. Умеющий придумать что-то интересное и необычное становился предводителем. Вот традиционных казаков-разбойников вытеснила новая игра «в кино»: перед «камерой» «артисты» разыгрывали мизансцены с погонями, драками, перестрелками. Самой популярной была сцена убийства Бэлы Казбичем. Лермонтовскую героиню соглашалась играть сестра

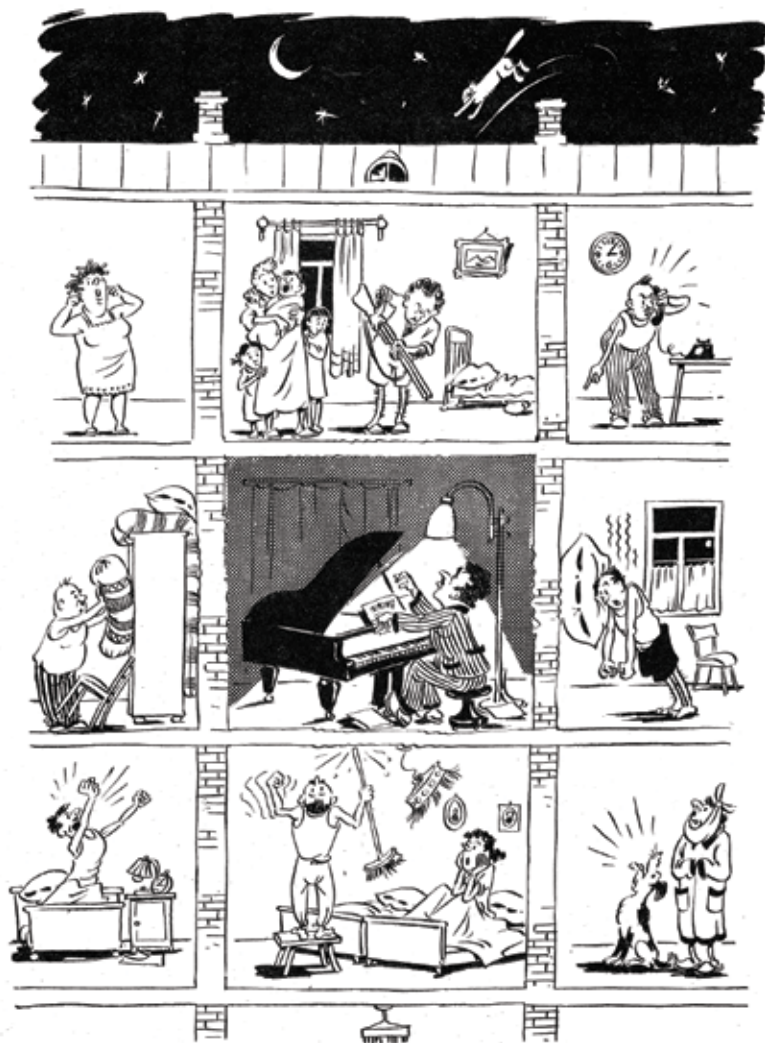
Марина, которая обычно претендовала на роли атаманов и других сорви-голов. Но после «съемок» начиналось самое интересное – просмотр «отснятого» материала. Андрей на длинной бумажной ленте рисовал картинки. Эту ленту он вставлял в коробку от папирос «Казбек» и медленно откручивая эти «кинокадры», рассказывал своим замороженным зрителям содержание фильма. В домашнем архиве сохранился детский рисунок Андрея: настолько точно выполнены движения скачущего коня и всад-

ника, что можно представить, с каким интересом дети воспринимали рисованное «кино» Андрея.

Естественно, что с таким ярко выраженным влечением к рисованию, он по окончании школы решил поступать в Академию художеств Грузии. 30-е годы. Все еще определяющим фактором являлась графа «происхождение». Андрей обозначил себя так: «из интеллигентов». Да еще пришел на экзамен в костюме и с галстуком. К экзаменам его не допустили. И он поступил в Закавказский институт инженеров путей сообщения. Однако рисовать продолжал. Веру в свои способности укрепляли уроки, которые он в юности получил от Иосифа Шарлеманя – известного графика и театрального художника, одного из основателей Академии художеств Грузии, профессора, руководителя факультета графики. Шарлемань был одним из представителей знаменитой династии художников и архитекторов. Именно его одобрительные отзывы о работах юного Канделаки вселили уверенность, что рисование – его призвание, его будущее. Общение со столь известным и очень интересным человеком много

Иллюстрация к «Крокодилу» Чуковского

«Создается новая колыбельная»

дало Андрею. Уроки Шарлеманя стали незабываемым периодом в жизни Андрея.

В 1935-ом его первую карикатуру приняли и напечатали в журнале «Нианги» (это был грузинский собрат всесоюзного «Крокодила») – популярнейшем издании того времени. Вполне можно считать этот год началом его последующей и очень успешной профессиональной деятельности, так как именно с этой карикатуры рисунки Андрея Канделаки стали появляться почти в каждом номере журнала.

После смерти отца Андрею пришлось стать главой семьи. Чтобы заработать, он много, очень много работал: рисовал плакаты, лозунги. Художественные способности у него, конечно, были от отца – большинство листов из сохра-

нившихся в домашнем архиве бумаг Валерьяна Андреевича украшены рисунками. К тому же он был остроумным и очень веселым человеком. Андрей унаследовал обе эти черты – чувство юмора и дар рисовальщика.

В июне 1941 года Андрей Канделаки вместе со своими сверстниками ушел воевать. Воевал он не только как солдат, офицер с оружием в руках, он рисовал. Где мог и когда появлялась минутка и клочок бумаги – листок из записной книжки, пачка из-под крупы, конверт, обрывок письма – тут же рисовал. Для многих вокруг него это был захватывающий процесс – появление на бумаге знакомых лиц и предметов. Он выхватывал из военных будней самое главное – ежедневный солдатский труд,

Политическая карикатура

минуты отдыха, напряженное ожидание боя, драматичные минуты битвы. А еще – то, что вызывало особый восторг, – сатира на врага. Он рисовал под восхищенные оценки своих соратников, дарил им настроение. В архиве Андрея Канделаки – десятки зарисовок военного времени, на многих из них – даты. Незабываемые дни, месяцы и годы страшного испытания. Первый рисунок датирован летом 1941 года. Подмосковье, село Нахабино, август. Впереди были долгие и трудные четыре года – до Победы. Закончил войну Андрей Канделаки в чине капитана.

И сразу после демобилизации вернулся к своему любимому делу – рисованию. И, как всегда, работал очень много и с большой отдачей. Годы труда отдал журналу «Нианги», заведовал отделами иллюстрации газет «Вечерний Тбилиси» и «Заря Востока», журнала «Дроша». Успешными и многочисленными были его персональные выставки в Тбилиси, Москве, далеко за пределами Грузии. Два альбома его работ «В шутку и кроме шутки» и книга

«Уступите место девушке!»

«Улыбка художника» не задерживались на прилавках магазинов.

«Улыбка художника» – это точное определение сути его творчества. Потому что даже критические рисунки, скажем так, обличающие те или иные человеческие пороки, подсвечены улыбкой художника. Юмористические истории, которые сейчас назвали бы комиксами, наполнены забавными сюжетами. Все это «таланливо, зорко, взято из жизни», – как сказал на открытии персональной выставки в Москве известный художник-карикатурист Борис Ефимов. Взято было из жизни родного Тбилиси, типажи его героев, их колоритные лица, манеры, особые жесты – все было знакомо, все играло и запоминалось. Это были смешные рассказы в картинках – курьезные и трагикомичные: бытовые сценки, случаи на улице, дома, на работе, в пивной и ресторане. Что важно: они понятны человеку любой национальности и даже возраста.

Пожалуй, одну из самых ярких по признательности оценок своего творчества Андрей Канделаки получил от знаменитого датского художника-карикатуриста Херлуфа Бидструпа. Побывав в Тбилиси, Бидstrup познакомился с работами коллеги и в знак полного с ним «родства» оставил ему свой автопортрет-шарж с такой шуточной надписью: «Моему дорогому коллеге Канделструпу от вашего друга Биделаки».

Творчество Андрея Канделаки не ограничива-

ется юморесками. Мир графики действительно необъятен и художник работал, можно сказать, почти во всех жанрах этого богатого по выразительности искусства. Великолепные книжные иллюстрации – с любимыми персонажами грузинских и русских народных сказок, героями произведений Чуковского, Маршака, Перро, братьев Гримм, создание рисованных мультфильмов. Пожалуй, достаточно назвать один из самых известных грузинских мультфильмов – «Свадьба соек», в создании которого художник принимал участие. Андрей Канделаки создавал красочные и очень привлекательные туристические карты, оформлял экспортные образцы винной и чайной продукции. В творческом портфеле художника и политическая карикатура – «едкая, разящая, большой обличительной силы. Карандаш А. Канделаки – карандаш реалиста, ему чужды стилизаторство и нарочитость. Ясность мысли, лаконичность и убедительность формы характеризуют стиль художника...». Так оценивал творчество Андро Канделаки академик, народный художник Уча Джапаридзе.

Рассказывая об Андрее, нельзя не сказать о семье, которую он создал. 12-летним мальчиком он влюбился в девочку, приехавшую из Батуми в гости к его соседям. И эту любовь пронес через всю жизнь – жена Наталья Владимировна – стала его судьбой, его музой. Старший сын Владимир – известный художник-живописец, младший Юрий – журналист, он автор и составитель сборника «Улыбка художника», подготовленного к 100-летию отца при содействии Министерства культуры Грузии. В книге представлено художественное наследие А. Канделаки, его биография, статьи о нем и его произведениях.

И все же рассказ о нем был бы неполным без упоминания огромного круга лиц, которые окружали его всю жизнь. Среди его самых близких друзей – друг с детских лет, известный художник-карикатурист Гиви Ломидзе, блестящий иллюстратор «Витязя в тигровой шкуре» Серго Кобуладзе, искусствовед Игорь Урушадзе. Сколько теплых воспоминаний, сколько слов любви и искреннего расположения посвятили ему дружившие с ним люди искусства и спорта, литераторы и музыканты!

С творческим наследием художника можно познакомиться в Интернете благодаря деятельности сотрудников Национальной парламентской библиотеки Грузии. В рамках проекта «Пиросмани» в цифровом музее искусств Национальной библиотеки представлены два обширных сайта художника.

Светлое, полное юмора и любви к людям, к родным лицам, любимому городу с его неповторимым колоритом творчество Андрея Канделаки не подлежит старению. Жизнь художника продолжается в его творениях.

Танец «Самаия». Л.Гегечкори, Т.Гегечкори, К.Берекашвили

«Аджарский танец». Амина Алинчиева и Давид Соломатин

Танец «Рачули». Давид и Владо Тарановы

ЧАСТИЦА ГРУЗИИ

■ Бежан ХУЦИШВИЛИ

Воскресенье. Жаркий июньский день. Самое время ехать на море, чтобы насладиться непривычно жарким для Калининграда летним днем. Но Малый зал Калининградского Дома искусств набит до отказа: дети в национальных костюмах, волнующиеся родители. На первый взгляд, ничего необычного. Зрители, исполнители, представители диаспор, официальные и неофициальные лица. Но всех присутствующих сегодня объединила удивительная сила. Чувствуется присутствие того, что так необходимо человеку, что всегда объединяло разные народы, это – духовность, без которой невозможна грузинская культура, впрочем, как и любая другая.

В Калининграде проходит праздник грузинской культуры «Грузия в поколениях». Мероприятие проводится благодаря поддержке Калининградского областного Дома народного творчества. Организатор мероприятия – Калининградская региональная общественная организация «Грузинское культурно-творческое общество «Тамар» постаралась собрать всех, кому интересна Грузия и ее традиции. С приветственным словом выступает Игорь Гуров – эксперт отдела по связям с общественностью Министерства по муниципальному развитию и внутренней политике.

Специалист из областного Дома народного творчества по работе с общественными организациями Берута Попова также поздравляет всех с открытием грузинского общества в Калининграде.

Надо сказать, что неофициально общество существует с 2010 года. Тогда был создан первый танцевальный кружок, объединивший всех желающих изучать грузинские танцы. Из восьми девочек четыре Тамары. Поэтому Тамара Гулашвили и выбирает название группы. Так, ангелом хранителем группы становится святая царица Тамар. В дальнейшем будет немало мероприятий, связанных с грузинской культурой: концерты, встречи, поездки в Грузию, участие в городских праздниках, участие в кулинарных шоу по телевидению, и как итог всей этой деятельности – официальная регистрация Ре-

гиональной общественной организации «Грузинское культурно-творческое общество «Тамар».

В далеком Калининграде грузинская культура востребована. Гости живо реагируют на все, что происходит на сцене – будь-то простая детская песенка или песнопение XII века, национальные танцы различных уголков Грузии в исполнении детского самодеятельного коллектива «Тамар» и произведения в исполнении калининградских хоровых коллективов из храма Александра Невского и строящегося храма Святой равноапостольной Нины. Каждый участник вносит свою крупицу и способствует созданию той атмосферы счастья, которая царит в зале. Стихи грузинских авторов звучат на фоне видео презентаций достопримечательностей Грузии и отрывков из фильмов грузинского кинематографа.

Помимо выходцев из Грузии в концерте принимают участие представители других национальностей, в составе коллектива «Тамар» русские, осетины, дагестанцы, лезгины, азербайджанцы, евреи, армяне, проживающие на территории Калининградской области (всего более 40 человек). Так, культура одного народа собирает вокруг себя другие народы. На празднике в качестве почетных гостей присутствуют руководители азербайджанского, армянского, еврейского, литовского, таджикского национальных сообществ, а также молодежные фольклорные коллективы Калининграда и Калининградской области. Фольклорный ансамбль «Талица» под руководством Светланы Ракеевой вносит свои неповторимые оттенки и еще больше обогащает богатую палитру фестиваля. Армянская община дарит «Кавказский попури» от Народного коллектива, танцевального ансамбля «Армения» (художественный руководитель – Карине Геворкян). Певец от Азербайджанского общества покоряет зал своим прекрасным пением.

Праздник удался, он стал подтверждением того, что грузинская культура востребована даже в таком удаленном от Грузии городе как Калининград и что мы нужны друг другу.

Здесь жил Вахтанг Чабукиани

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

■ Владимир ГОЛОВИН

По тбилиским меркам, огромный дом на проспекте Агмашенебели №83/23 не так уж и стар – ему около семидесяти лет. Фактически, он стоит на площади, старое название которой – Кирочная – помнят уже только старшие поколения горожан. А построили его немецкие военнопленные на месте снесенной ими же немецкой (злая шутка рока!) церкви – кирхи святых Петра и Павла. У одного из подъездов две мемориальные доски посвящены человеку, вошедшему в историю мирового искусства. Одна из них сообщает о том, что с 1947 по 1992 годы здесь жил великий танцовщик и балетмейстер Вахтанг Чабукиани. А вторая приглашает в квартиру-музей балетмейстера, который, как утверждают искусствоведы, «был одновременно и величайшим классическим танцовщиком,

наследником всех традиций петербургской школы, и воплощением богатейшего танцевального фольклора его родной Грузии». В этом доме прошел тбилисский период жизни Вахтанга Михайловича. А были еще и тифлиссский, и ленинградский периоды...

Год 1910-й вошел в историю нашей планеты первым ее столкновением с хвостом кометы Галлея. Для русского балета он стал триумфальным – знаменитые Сергей Дягилев, Анна Павлова, Вацлав Нижинский, Тамара Карсавина в Париже и Лондоне заморозили Европу своим мастерством. И в тот же самый год в Санкт-Петербурге родились Галина Уланова, Татьяна Вечеслова и Константин Сергеев, в Калужской губернии – Фея Балабина, в Тифлисе – Вахтанг Чабукиани... На свет появилась новая плеяда легенд

балета, и лишь один ее представитель – парень из столицы Грузии шел на сцену далеко не торным путем: по-настоящему учиться балету он начал позже своих ровесников и наверстывать упущенное ему пришлось огромными усилиями.

Даже для многонационального города брак строительного рабочего Михаила Чабукиани был необычен. Он женится на латышке, белошвейке, шьющей вручную нижнее и постельное белье, накидки и покрывала. Все деньги в семье уходят на то, чтобы, как говорили тогда, «поднять» восьмерых (!) детей. Поэтому младшенький – Вахо – учится в трудовой школе лишь до девяти лет: ездить надо за окраину города, а теплой одежды нет. И его вместе со старшими сестрами Еленой и Тamarой отправляют в ремесленную мастерскую. А там пле-

сти корзины, делать фигурки из дерева и папье-маше обучает замечательная женщина – Мария Шевалье. Блестяще образованная, большая поклонница балета, она стремится привить эту любовь и своим ученикам, по праздникам даже организывает танцевальные вечера. И однажды дает Вахтангу поручение, которое определяет всю его дальнейшую жизнь.

Мальчик относит приготовленные для новогоднего праздника плетеные корзиночки с игрушками в первую в Грузии балетную школу. Ею руководит выпускница балетной школы Королевского театра оперы и балета в Турине Мария Перини. После родной Италии она была ведущей солисткой в балете Тифлисской оперы, выступала и в приволжских городах, а, осев в столице Грузии, создала в 1916-м частную школу, которая через четыре года стала государственной – при Театре опе-

Таким Вахтанг приехал в Санкт-Петербург

ры и балета. Но еще много лет ее называли в городе «студией Перини». Юный Чабукиани приносит новогодние подарки в эту студию, когда та находится в здании Общества поощрения изящных искусств, то есть, в будущей Академии художеств

Грузии. Там же – и творческая мастерская мужа Перини, замечательного художника и архитектора, общественного деятеля Генрика Гриневского.

Здание, и сейчас сохранившее следы былого великолепия, роскошный зал с детьми в красочных балетных костюмах вокруг сверкающей елки кажутся Вахтангу сказкой. Забрав у него подарки, Перини видит, как загорелись глаза юного курьера и приглашает его войти... Так Чабукиани «заболевает» балетом. Конечно же, этого не может не заметить Мария Шевалье и, поняв, что увлечение мальчика отнюдь не просто прихоть, она помогает ему поступить в заветную студию. В которой, между прочим, в разное время учились не только прославленные мастера танца Илико Сухивили, Вахтанг Вронский (Надирадзе), Нино Рамишвили, Мария Бауэр, но и такие будущие знаменитости, как художник и сценограф Солико Вирсаладзе, актер и спортивный комментатор Котэ Махарадзе...

В тринадцать лет Чабукиани уже совмещает учебу в школе района Верэ, работу в мастерской и занятия балетом. За два года он осваивает экзерсис классического танца, технику вращательных движений, пластику рук. Узкоплечий, слабый паренек «лепит» себе фигуру силовыми упражнениями и гимнастикой. В эти же годы – дебют на большой сцене. Дебют необычный. В спектакле «Абесалом и Этери» участвует детская группа, но место в ней свободно только среди девочек. И Вахтанг без колебаний наряжается в женский костюм... В студии же все намного серьезней – ученические спектакли, участие в «Половецких плясках», дивертисменты, попытки самому ставить одноактные балеты. По окончании учебы – предложение стать стажером Оперного театра. Вахтанг принимает его, несмотря на протесты родных, поддерживает его лишь сестра Тамара, она – уже в труппе театра.

Что ж, азы танцевальной техники освоены, но Вахтанг понимает, что этого мало, в каждое движение необходимо «вдохнуть жизнь». Он видит, как это

делают большие мастера, когда в Тбилиси приезжают на гастроли лучшие балетные артисты Москвы и Ленинграда. Глядя на них, молодой танцовщик осознает: ему еще учиться и учиться. А где это делать? Конечно же, в Ленинграде – там хореографическое училище с огромными традициями – подлинная академия танца, там знаменитые представители балетного искусства. Родители вновь против, а он вновь поступает по-своему. И с 1926 года связывает свою жизнь с северной столицей России.

Правда, город на Неве встречает его не очень приветливо: «Я приехал в Ленинград, я шлепал по платформе, лил сильный дождь, мои единственные брюки и штiblеты промокли – как будто сам город говорил: зачем ты сюда приехал?». Ответ на этот вопрос все увидели через три года. Которые, надо сказать, прошли совсем не просто. В хореографическое училище Чабукиани не принимают – ему идет уже семнадцатый год. И он поступает на вечерние курсы при этом училище, которые, кстати, созданы не для новичков, а для учебы и повышения квалификации уже работающих молодых артистов. Днем Вахтанг зарабатывает на жизнь выступлениями в кинотеатрах перед сеансами. Учится он у руководителя курсов, заслуженного артиста Виктора Семенова. Видя, как талантлив и насколько работоспособен этот парень, выдающийся педагог относится к нему с особой чуткостью. На выпускном экзамене через два года Чабукиани очень удачно исполняет «па де де» из балета «Дон Кихот», и его зачисляют в последний класс хореографического училища. Там, под руководством еще одного заслуженного артиста – Владимира Пономарева, он не только исполняет ответственные партии в «Эсмеральде», «Временах года», «Арагонской хоте». Удастся несколько раз сделать и то, к чему он стремится с первых шагов в балете – как хореографу поставить для учеников отрывки из балетов.

Всю девятилетнюю программу обучения на курсах и в училище (а это – не только

Мария Кузнецова

свидетельствует: «После Нью-Йорка в течение одной недели состоялись семь концертов в семи городах, и везде наших посланников встречали очень тепло». Однако все это будет намного позже ленинградского периода, так что вернемся в 1930-е.

После возвращения из американского турне Чабукиани исполняет практически все главные партии в репертуаре Кировского театра. Он восхищает знатоков балета и в романтических, и в характерных образах, но больше всего его влечет героика: партия Филиппа из «Пламени Парижа» входит в историю хореографического искусства. Впрочем, не только она. Чабукиани наконец получает возможность в полной мере осуществить свою давнюю мечту – создавать спектакли самому, с собственным видением постановки. Героика же соответствует его характеру в первую очередь. Так рождается «Сердце гор» на музыку А.Баланчивадзе. Причем рождается в Тбилиси – Вахтанга просят создать спектакль для первой Декады грузинского искусства в Москве 1937 года, на основе грузинских народных танцев. Окончательная редак-

ция с огромным успехом представлена через год в Ленинграде. А потом – легендарная «Лауренсия».

В 1936-м композитору Александру Крейну заказывают балет по пьесе Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник»). Заказ не случаен – в Испании началась гражданская война, и тема борьбы народа с угнетателем очень актуальна. Ставит балет Чабукиани, который признавался: «Меня увлекает мысль поработать над спектаклем о новой Испании, о борьбе испанского народа за свою независимость и свободу. В таком балете меня привлекает не только богатый испанский колорит, который можно блестяще использовать в спектакле, а именно современные переживания испанского народа – его думы и чаяния, героическая борьба и беззаветная преданность родине». В основу балета, ставшего затем классикой, он берет народное испанское искусство, переведя его в форму классического танца. И вот еще одна цитата – о том, насколько ему это удается: «Замечательной особенностью балета «Лауренсия» является то, что в нем на одинаковой высоте и сторона выразительно-драматическая и танцевально-виртуозная, причем обе они существуют не порознь, а в тесном органическом слиянии. Неистощимая изобретательность В.Чабукиани видна в каждой сцене. Он как будто сумел передать свой огненный темперамент всем исполнителям спектакля, и эта темпераментность, страстность пронизывает «Лауренсию» от начала до конца». Это оценка композитора Дмитрия Кабалевского.

Премьера «Лауренсии» в Кировском театре проходит в 1939-м, на следующий год спектакль признают украшением Декады ленинградского искусства в Москве, и он начинает триумфальное шествие по многим странам. А Фрондосо из этой постановки вместе с Джарджи из «Сердца гор» и Филиппом из «Пламени Парижа» становятся классикой героических образов в балете. Образов, впервые созданных грузинским Мастером на рос-

сийской сцене. Еще Чабукиани доказывает в Ленинграде, что способен менять в балетных партиях и сложившиеся годами традиции. До него военачальника Солора в «Баядерке» представляли пантомимой, а он делает эту партию танцевальной, превратив томного любовника в мужественного воина. И такая редакция становится настолько канонической, что по сей день входит в программу балетных конкурсов. А в «Тарасе Бульбе» ему поручают партию Андрия, отрицательного героя, главные там – Тарас и Остап. Вахтанг Михайлович затмевает исполнителей этих партий, как говорится, «перетянув одеяло на себя».

Единственное, что ему не удается на берегах Невы – семейная жизнь. Он женится на красавице-балерине Галине Кузнецовой, которая впоследствии стала солисткой Большого театра, работала балетмейстером-репетитором в нескольких городах, в том числе в Варшаве, Каире, Берлине. Вместе жили они недолго, да и вообще этой женщине не везло в браке. Второй ее муж, артист цирка Владимир Макеев

Перед возвращением в Тбилиси

Вахтанг Чабукиани с Галиной Улановой и Арамом Хачатуряном

пропал без вести на войне, третий – знаменитый певец и режиссер Владимир Канделаки ушел от нее к не менее знаменитой артистке оперетты Татьяне Шмыге. Когда ее спрашивали, почему она развелась с Чабукиани, ответ был один: «Отношения не сложились...» Но любовь все-таки была. В этом можно убедиться, прочтя одно из ее писем: «Дорогой Вахтанг! Сегодня в последний раз имею право гордиться любимым, талантливым мужем. Милый Вахтангчик! От всей души, от всего сердца желаю самых больших побед в твоём любимом искусстве, счастья в жизни. Остаюсь навсегда искренне преданным тебе другом. Крепко целую, твоя Галя!»...

В творчестве же ленинградский период приносит ему ордена «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени, и высшую награду того времени в сфере культуры и искусства – в 31 год, в марте 1941-го он становится лауреатом Сталинской премии первой степени. Еще 3 месяца – и война. Кировский театр эвакуируется в Пермь, а Чабукиани возвращается на родину. Появляется возможность осуществить еще одну мечту – на основе классического балета создать в Грузии свой, национальный балет, воспитать талантливую молодежь и сформировать в родном театре труппу настоящих профессионалов. Тбилисский период начинается для него реорганизацией училища при Театре оперы и балета по типу ленинградского и московского. В военные годы он ставит «Сердце гор», «Жизель», «Шопениану», «Вальпургиеву ночь», «Дон Кихота», «Эсмеральду», «Лебединое озеро». Руководя балетной труппой театра, смело вводит в спектакли старших учеников хореографического училища, «обкатывая» их рядом с опытными актерами. А в 1942-м снова гастролирует за рубежом – в Иране.

И, конечно же, сам много выступает на тбилисской сцене, особенно блестяще это выглядит, когда в столицу Грузии приезжают именитые балерины из России. Достаточно послушать рассказ Котэ Махарадзе о выступлении Чабукиани в паре с солисткой Большого театра Марией Семеновой: «Перед нами была влюбленная пара – юноша и

девушка, на редкость красивые, грациозные, любовь которых продолжала жить и после танца... Они и в поклоне продолжали жить жизнью Одиллии и Принца, Китри и Базиля, Жизели и Леонардо, импровизируя и на глазах у зрителя создавая новый сюжет продолжения танца. То разбегались в разные концы сцены, как бы забыв о любви, отвечивали глубокий поклон и снова, вспомнив друг о друге, бросались в объятия... Зритель аплодировал уже не только что исполненному танцу, а новой, сотворенной на наших глазах импровизации. А Семенова и Чабукиани вроде и не помнили о зрителе, жили в своем мире, в своих грезах, а затем, словно спугнутые рукоплесканиями, спохватившись, снова бросались к рампе и застыли в полном чарующей грации поклоне. Она – склонив очаровательную голову, он – широко раскинув руки-крылья, словно высеченный из бронзы...»

Именно так, «широко раскинув руки-крылья», Вахтанг Михайлович живет и почти пять десятилетий после войны. Он ставит еще 20 спектаклей на двух родных для него сценах: 18 в Тбилиси и 2 – в Ленинграде. Он 32 два года руководит балетной труппой Тбилисского оперного театра и 23 года – хореографическим училищем, которое теперь носит его имя. Он выпускает в большое ис-

С Верой Цигнадзе в «Лауренсии» на тбилисской сцене

Прыжок двадцатилетнего Вахтанга

куство массу талантливых мастеров, получает в тбилисский период очередные высочайшие награды – звание народного артиста СССР, Ленинскую премию, звезду Героя Социалистического Труда. Он гастролирует по миру, преподает в разных странах, его называют «богом танца», «горным орлом», «царем воздуха». А как он принципиален ко всему, что соответствует его пониманию тех или иных деталей в балете! Потому-то и огорчает единственного родного человека рядом – сестру Тамару, замечательную балерину, лишая ее выгодных мизансцен. И, что намного страшнее, огорчает самого министра культуры, отказавшись поставить его балет: «Мне не нравится ваша музыка. Она не танцевальная»...

В России же надеялись на его возвращение, в первую очередь, ленинградцы. Достаточно прочесть отрывки из двух писем конца 1940-х. Балерина Наталья Дудинская для которой создана главная партия в «Лауренсии»: «Дорогой, мой родной, хороший Вахтангчик! Если бы ты знал, как мне без тебя скучно, тоскливо! Как сильно я хочу тебя видеть! Я пишу тебе второе письмо, а телеграмм послано мной такое количество, что я сбилась со счета... Все ждут «Лауренсию», а главное – тебя... Умоляю, приезжай скорей! Все станет на свое место!» Художественный руководитель Кировского театра Петр Гусев: «Труппа засыпает меня вопросами о вашем здоровье и возвращении, чтобы поддержать в них веру в дело и театр. Я клянусь, что вы чувствуете себя отлично... приедете надолго в Ленинград. Хотелось бы получить от Вас подтверждение... Когда

60 лет спустя. На праздновании юбилея в Тбилиси

приедете закончить «Кармен»?.. Вам шлют тысячи приветов и пожеланий всякого благополучия...»

Чабукиани так и не покинул Грузию, став ее знаковой фигурой. И, как всегда бывает с такими фигурами, одни его боготворят, другие – судачат о нем... В нелегкий для страны 1990-й год ему пышно отмечают восьмидесятилетие. Конечно же, не забывает юбиляра и Москва – в апреле 1991-го грандиозный вечер проходит в Большом театре...

Его сестра Тамара в конце 1940-х делилась с близкими: «Скучает Вахтанг по своему театру в Ленинграде... Уехал бы, но там теперь главный солист – его прошлый конкурент Сергеев. Да и молодость уже уходит... Балет – дело молодое...». А вот что говорит выдающийся российский артист балета и хореограф Михаил Лавровский: «Это великолепно, что большую часть своей жизни Вахтанг Чабукиани посвятил Грузии. Он истинный патриот. Но я уверен, что если бы Вахтанг Чабукиани остался в Москве или в Ленинграде, он постоянно соприкасался бы с западным искусством, однако его влияние на мужской танец, одухотворенное рыцарской романтикой, прекрасное по своей красоте и силе, сохранилось бы как эталон в искусстве мировой хореографии».

Нет, Чабукиани из Грузии не уехал, тбилисский период стал самым продолжительным в его жизни. Он говорил близким: «Я родился в год кометы и уйду вместе с этой кометой, когда она опять появится». Комета Галлея вновь появляется в 1986-м, но именно в этом году Вахтанг Михайлович публикует в №5 журнала «Советский балет» статью «Мой опыт – аргумент в дискуссии». А через шесть лет, когда в телескопах наблюдалась другая крупная комета – Шумейкера-Леви, он и ушел. Сам пронесшись по миру кометой и оставив особенно яркий след в балете Грузии и России.

Железнодорожный вокзал в Тифлисе. Начало 20 века

Тифлис моего детства

■ Ксения ПЫШКИНА-ЛОМИАШВИЛИ

(Окончание)

Иногда в сезон на дом приносили туту – ягоду шелковицы (белая), а бывало и красно-черную (хартута). Но это очень нежные плоды: белая – приторно сладкая, а черная – по форме, цвету и вкусу похожа на ежевику, но острее вкус и сочнее. Если попадет капля на платье – не выйдет пятно, а руки и рот окрашиваются на несколько дней. Часто, чтобы полностью насладиться тутой, выезжали за город, в деревню, где, договорившись с хозяином сада, расстилали взятую из дома скатерть под деревом и начинали трясти дерево. С него сыпались, густо и часто, плоды. И мы уже так объедались ягодами, что еле влезали в поезд, а часто и животы болели. Одновременно в деревне покупали цыплят и лобио. Бабушка любила экономию, но никогда денег не имела, т.к. всегда находила кому помогать. Так, к нам ходила Софья, хромая старушка (я ее такой застала), которая всегда привозила из деревни и цыплят, и кур, и яиц, и лобио, и ячменный хлеб (с какой-то примесью зеленого цвета), но очень вкусный и мягкий, хотя ячменный несвежий невкусен и кажется внутри всегда сырым. Эта Софья перестирывала и перебирала все наши тюфяки (из овечьей шерсти), чинила белье, нас всегда купала, красила хной воло-

сы бабушке, которая уже поседела, гадала на картах прислуге, а со мной играла в карты. И я одно время так пристрастилась к «дурачку» и «ведьме», что, не успев проснуться, уже искала партнера. А не находя, бродила по дому с картами в руках. Софья носила национальный грузинский костюм: на голове «лечаки» – это очень живописно (кисея должна была быть тюлевой с кружевами, дорогой, а она носила простую, дешевую вроде марли). У нее был сын, крестник моей матери, которая еще девчонкой его крестила, но ей не дали ребенка держать, а Софье было интересно и выгодно иметь дочку Юлию, которая всегда пеклась о Сандро и отдала его потом в ученье. Он был водопроводчиком на Авчальском водопроводе, только что отстроенном.

Как сейчас помню: сидит Софья на полу на ковре, поджав ноги по-турецки, и чинит белье. В день ее прихода мы ели вкусные национальные блюда ею особенно хорошо приготовленные. Вечером она уходила с узлом подарков и еще обязательно рублем денег. Это было всегда, пока бабушка работала и жила своим домом. Себя же она во всем урезывала, носила ситцевые рубашки, правда, с русскими узкими кружевами по вырезу, а маме шила из полотна

Ксения Ломиашвили

со швейцарскими кружевами, вернее, шитьем, очень дорогим.

Полотно тоже приносили на дом. Это 2-4 раза в год приезжала женщина с огромным узлом за спиной и привозила с севера полотно белое и серое. И как правило, это было в кредит. Бабушка брала и на простыни, и на наволочки, и на рубашки маме и дяде. Набирала много, давала ей 5 руб., а остальное записывала в ее записную книжку. И та каждый раз, приезжая, приходила за очередным погашением, причем иногда бабуся еще добирала, т.к. появлялся новый товар: скатерти, салфетки, носовые платки. И так было очень долгое время, несколько лет, возможно, десятки.

Кроме этой северной торговли, был еще Иосиф, старый маленький еврей с длинной седой бородой. Он знал бабуся свыше двадцати лет. Он торговал материями: шевиот, шерсть, ситец, сатин и пр. Бабуся набирала, сколько ей надо, потом всю сумму записывала в его записную книжечку. И ежемесячно бабуся ему гасила по 3 р. в месяц.

Молоко тоже привозила немка. Ежедневно брали восемь кружек и несколько стаканов сметаны. И все записывалось на стенке у дверей галереи. И тоже один раз в месяц расчет. А вот кефир и лактобациллин (мама увлекалась советами Мечникова о пользе молочнокислых продуктов) ежедневно нам доставляли из магазина чеха «Корона». Но не в кредит, а по заранее приобретенным в конторе «Короны» абонементам. Доставщик обрывал талоны согласно оставленному количеству продуктов. И

я, поступив на работу в 1914 году, продолжала пользоваться услугами «Короны», но уже мне на работу приносили бутылочки кефира. Они были не более 300-400 г. емкостью и с доставкой 5 коп. за бутылку.

Вообще в Тифлис приезжали: китайцы с чесучой, чаем, веерами, игрушками, чехи – мышеловками, терками, хлебницами и проволокой, вешалками, дуршлагами, шумовками, корзиночками для хлебных ножей и прочими изделиями из жести и проволоки. Даже итальянцы привозили бижутерию из кораллов, мозаики, безделушки из тонкого материала, весьма изящно сделанные гипсовые фигурки, изделия из черепахи. Но эти все товары продавались только за наличные деньги.

Помню, итальянец привез сделанную из черепахи мандолину. Она была самая настоящая, только размером с десертную ложку. Еще мама купила камю – голова Афины Паллады, а бабуся серьги из розового коралла. Мама в один из приездов итальянца (ездил один и тот же) купила у него две нитки кораллов и пудреницу мозаичной работы. Еще был очаровательный домик тончайшей работы. Дерево не толще бумаги, все вырезано как кружево. Второй этаж с зеркальными окнами, балконом и покатой крышей. Домик был сделан как шкатулка, открывался, и первый этаж был коробкой, а второй – крышка, но на петлях. Внутри все было оклеено синим бархатом.

В голодное время мы эти вещи продали.

Бабуся очень любила безделушки. И у нее были чудные фигурки Попова. И еще много западных французских и немецких фирм.

У дяди Вити страсть была к книгам, и он выписывал «Ниву» и все приложения. Очень увлекался Гауптманом, Гамсуном. А мама Шопенгауэром, Верхарном. Была у нас и Вербицкая «Ключи счастья». Дядя и мама много читали. Всегда были с книгой в руках. Я помню, что у дяди был свой книжный шкаф, где помню энциклопедию Брокгауза и Ефрона, соч. Достоевского, Пушкина, Чехова, а также Шеллера-Михайлова (мама его не читала и была недовольна, что дядя читал), д'Аннунцио – это помню точно. Он также получал портреты классиков очень оригинально оформленные. На плотной бумаге отпечатаны были Л.Толстой, Чехов и др., причем все было исполнено мелкими буквами: лицо, волосы, костюм – все из их сочинений. Не знаю, сколько там было. Но все можно было прочесть в лупу. Портреты приходили по почте в картонной трубке, а сам портрет имел предохраняющую папиросную бумагу, наклеенную в верхней части портрета и закрывающую весь портрет, что очень оберегало его состояние. Еще было много очень разных книг (почти все похождения сыщиков:

Шерлок Холмс, Нат Пинкертон, Ник Картер в дешевых изданиях). Главным поставщиком была я, которая с огромным удовольствием бегала на вокзал. И там в зале I и II класса у входа был огромный шкаф, а перед ним прилавок, за которым сидел продавец Месаксуди. На прилавке были разложены газеты и книги. Я покупала для всех «Будильник», «Стрекозу» (возможно, старые издания – у него было много книг старых изданий), а позже «Синий журнал». А для дяди похождения сыщиков. Книги дешевые: 10, 7, 5 коп. за книжку. Причем я совсем была еще маленькая, лет 7-8, но чудно разбиралась, что взять, а что уже купила раньше. Помню до сих пор даже портреты сыщиков на обложке, что помещались в кружке рядом с названием книги, а ниже уже всю обложку какая-либо яркая иллюстрация. До сих пор помню одну: тоннель, а в просвете на веревке повешен монах в капюшоне, ноги болтаются. Это меня потрясло. Ведь на обложках помещали рисунки, которые были необычайно интригующими, зазывающими.

Дядя один год очень болел, лежал в постели (ревматизм) очень долго, а я все это время снабжала его этой бульварной литературой. А мама выписы-

вала больше из Петербурга на русском языке, а из Франции на французском. Некоторые книги от меня прятали, но у меня была чудная память, и я до сих пор помню, что это были за книги: Отто Вейнингер, Крафт-Эбинг, Фрейд. Заглавия меня интриговали, я их поняла много позже, уже будучи в последних классах гимназии: «Пол и характер», «Половой вопрос». А один раз уже лет 14-ти я обнаружила книгу автора Волковой, заглавия не помню, но это была, возможно, гинекология, т.к. было все о молодых матерях, уходе за новорожденным. Но что поразило меня – это рисунки детей во чреве. Ведь раньше никто никогда не говорил даже с подростками на эту тему (что очень плохо!), и у нас дома, хотя и говорилось, что детей рожают (ни о капусте, ни об аисте у нас не было речи), и я уже знала что-то, но так вот, воочию – впервые узнала из этой книги. Мать моя увидела, что я смотрю эту книгу, и сказала: «Это не очень хорошая книга, есть лучше, напомни, я тебе достану». Этим она отбила у меня охоту смотреть дальше, и я положила книгу на место, но больше ее никогда у нас не видела.

А бабуся читала книги только о любви. Уже после 1905 года, когда она начала работать че-

рез сутки, – она читала, но очень оригинально: сначала, взяв книгу, заглядывала в конец. И если он был счастливым – читала, если нет счастливого конца – книга отвергалась. Но, читая, – переживала, иногда плакала, а потом говорила, что она не плакала, а просто глаза слезятся.

Я до сих пор помню даже переплеты книг, которые мне мать читала вслух. Мне не было и пяти, когда она мне прочла «Дети капитана Гранта», а потом «80000 лье под водой». Я слушала все с замиранием сердца. Когда мама прочитала, что Роберта унес кондор, – я не спала всю ночь и несколько дней не могла оторвать глаз от иллюстрации, где в очень маленьком масштабе над горой летит кондор, и у него в лапах что-то темное (даже разобрать нельзя что). Я все старалась разглядеть Роберта, но рисунок очень мелкий, темный, и Роберт изображен в виде пятна, а мне хочется увидеть его лицо, а тут даже и фигуры человеческой нет! Но больше всего я плакала над «Хижинкой дяди Тома». Эту книгу мне мама читала два или три раза, потом я ходила в театр в Тифлисе на эту постановку, да и сама потом перечитала ее.

Книг у нас всегда было много. Мне покупали серию «Золотая библиотека». Красивые книги в чудном переплете на хорошей бумаге. Помню в этом чудном издании «Маленький человек» (кажется, Доде), «Макс и Мориц – шалуны», «Маленькие женщины». Мы в мое время очень увлекались писательницей Чарской – «Княжна Джаваха». Еще помню писательницу Лукашевич. Мама мне много декламировала стихов – Кольцова, Никитина и др., пела мне много песенок из сборника «Гусельки».

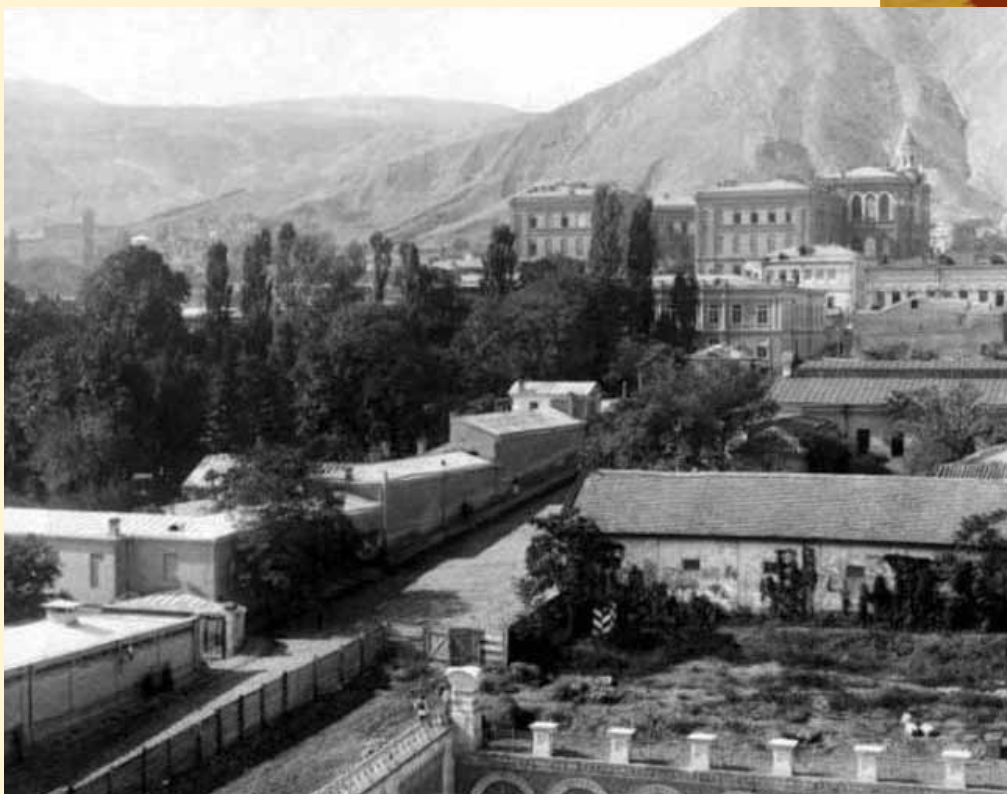
Почти 3 года ничего не записывала. Это понятно. Не всегда приятно пересказывать свой жизненный путь. Детство еще терпимо, а вот дальше это трудно, даже счастливое время тяжело вспоминать. Вот и не могла ворошить свое прошлое.

Мельницы на Куре

Училась я в гимназии необычайной. Директором у нас была Петрашевская Людмила Федоровна. Говорили, что она политически неблагонадежная. Была еще учительница рисования Лебедева Александра Семеновна. Потом и Таня у нее училась в 6-ой ФБЗ Фрунзенского района. Людмила Федоровна меня любила. И когда Нина Артемьевна, подталкивая, вела меня к ней с жалобой, то она сажала меня к себе на колени и, не ругая, расспрашивала, что и почему. В результате Нина Артемьевна оставалась разочарованной. А я торжествовала. Это было до 4 класса, пока не появилась новая начальница. Гимназия, хотя и считалась государственной, но отличалась от других. А их было 4. Во-первых, отличалась она по оплате. В других за год 75 руб., а у нас – 100. Потом в первые 4-5 лет мы не носили форму, т.е. коричневое платье и черный передник. У нас был розовый ситцевый фартук с рукавами, застежка сзади с нашивными карманами на кокетке. Снизу любое платье. Это объяснялось гигиеной. Постирал, мол, – и чисто. И это действительно было так. Потом все изменилось. Форма стала общей во всех заведениях – коричневое платье, черный передник, а в праздник – белый.

Людмила Федоровна была до 5 класса, а потом из Петербурга прислали другую начальницу – Обломкову, тоже Людмилу, но Петровну. Первая начальница была очень своеобразна: высокая очень, всегда в английской юбке и блузке, на низких каблуках, что было очень редко, с гладко причесанными волосами. Она ничего не преподавала. А вторая была преподавательницей географии и ходила только в синих шерстяных платьях (форма была обязательна для педагогов-мужчин, а для женщин на Кавказе – не обязательна). Учебники к уроку и журналы за ней на расстоянии двух шагов нес сторож Леонтий. То же было, когда шла обратно. У Л.Ф. была воспитанница Зоя

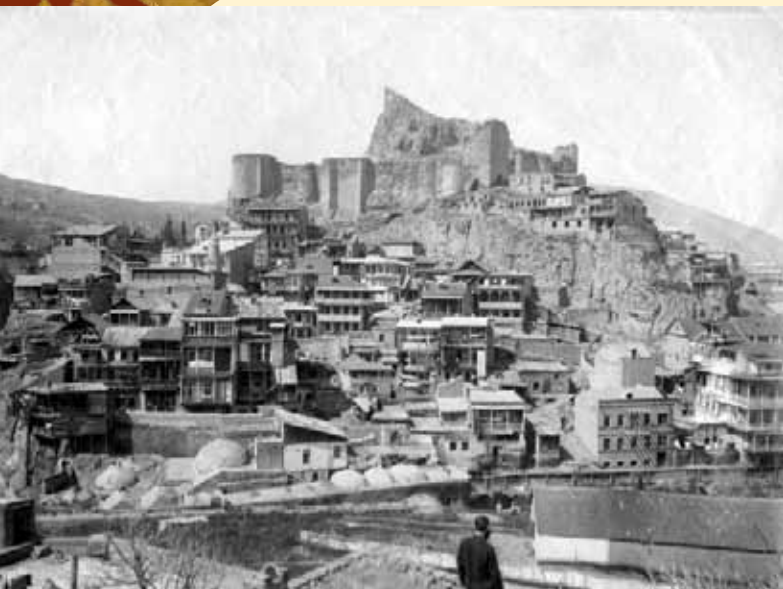
Заведение св. Нины

Островская, которая вечно жаловалась на нее. И все считали, что Л.Ф. к ней чересчур строга. И действительно у Зои часто глаза были заплаканы. Но я не была с ней близка. И почему-то она у меня не вызвала сочувствия. Может быть, потому, что Л.Ф. была ко мне очень добра и ласкова?

Дело в том, что в первых четырех классах я была очень смешлива, и у меня были две таких же подруги – Марошка Чкония и Галя Личкус. Мы были хохотушки необычайные. Палец покажи – уж не остановиться никак.

С первого года, когда я поступила в старший подготовительный класс, у нас была учительница Нина Артемьевна Гониева, очень злая и ехидная, у нее ни для кого не было улыбки, ласки, а только замечания и нравоучения. Правда, мое поведение не вызвало желаний похвалить, но она всегда следила за каждым шагом и всегда находила предлог для замечаний, правда, и я была не золото, я и опаздывала, и с уроков убегала – сидела с группой таких же девочек в туалете и ча-

сто получала 2 по арифметике до третьего класса. У нас после приготовительного класса она осталась классной дамой, т.е. она обязана была следить за нашим поведением, воспитывать нас. Сидела она на всех уроках за отдельным своим столом в углу класса в противоположной стороне от преподавателя. Каждую субботу она должна была выписывать из общего журнала двойки и на специальном листке со штампом для подписи с ее «2» и местом для подписи «родитель» – послать в конверте со сторожем на дом двоечнику, а в понедельник ученик уже с подписью матери или отца приносил листок ей. Самое ужасное было получить утром подпись матери, т.к. до утра понедельника никто родителям этот листок не давал, дабы не портить отношения с родными и тянул до понедельника. Но не всегда эту подпись можно было получить, тут и страх наказания, и невозможность утром создать атмосферу «доброго отношения» к двойке, словом, почти всегда листок с подписью Нина Артемьевна не получала, его «забывали» часто. И во вторник листок «забыт». И

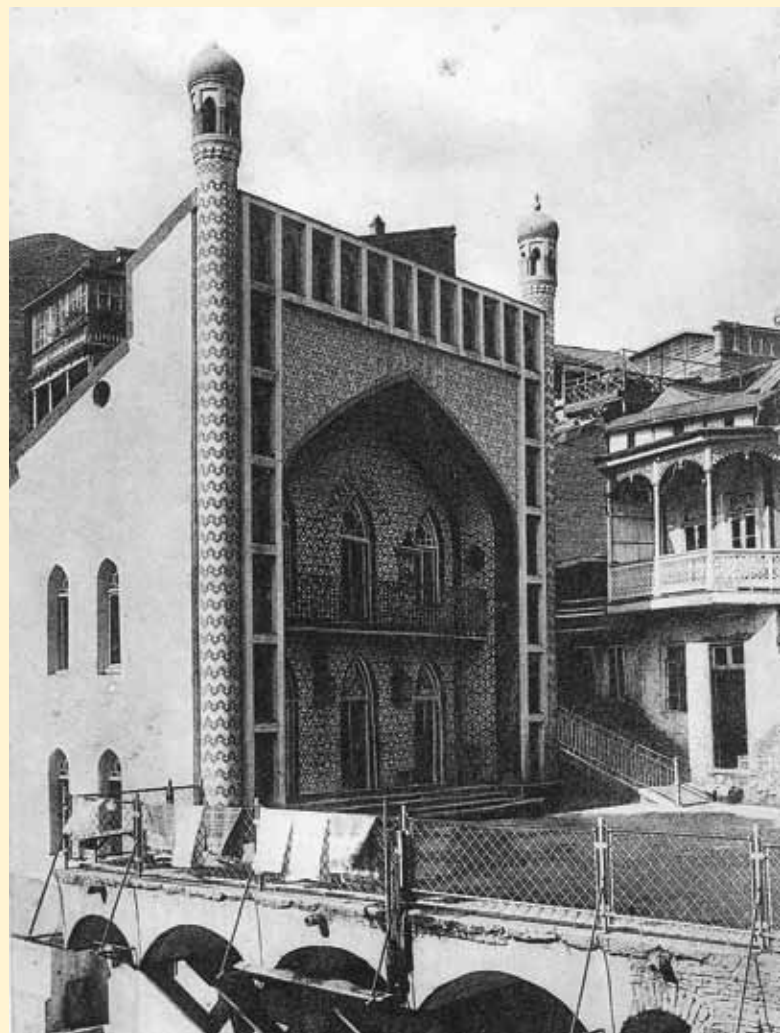

Крепость Нарикала и серные бани. Тифлис

только в среду уже нельзя было «забыть», ибо тогда сразу возвращали домой. Уже зная это, в среду с утра, что бы ни было, подпись получить было надо. И это всегда было ужасно страшно. А Нина Артемьевна только и ждала случая, чтобы обрушиться на свою жертву. Так она довела нас до окончания, т.е. до 3 июня 1914 года, когда и выдали нам аттестат вместе с Евангелием. Я опоздала на торжественную часть. И хотя давала зарок с ней не попрощаться, конечно, было забыто все зло. И после получения аттестата пошли к фотографу и снимались все вместе и в одиночку.

А 6 июля я уже была на работе на железной дороге, где моя бабуся проработала 36 лет. Сразу после смерти бабушки она поступила на железную дорогу, а дедушка умер от тяжелых ран, получив их на Шипке, где и бабушка была сестрой милосердия. Его с поля боя не успели довести до госпиталя. Он так и умер в дороге. Она же там ходила за тифозными. Был пятнистый тиф. И турки лежали тоже. Когда умер дедушка, ей не было и 17 лет. А когда вернулась в Россию, ей надо было изыскивать средства к жизни, т.к. она осталась с двумя детьми. Маме 2 года, а дяде — 1 год. Словом, когда она попала к генералу, он спросил: «Что, детка, папа погиб?» А когда узнал, что муж, то сразу написал приказ о пенсии и устройстве детей в казенные учебные заведения. Так мама попала в заведение Св. Нины, а дядю впоследствии приняли в кадетский корпус, но бабушка не захотела его на военную службу отдавать, а сама решила идти работать на Закавказскую железную дорогу, которая тогда только строилась. Ее приняли кассиршей 1 и 2 класса, а раньше она обратилась с просьбой к матери дедушки с просьбой помочь (в Кострому), на что та ответила: «Я не солнце и всех обогреть не могу».

Так бабушка начала работать в 17 лет и всю жизнь проработала на одном месте. Ей очень нравилось, взяв большую конторскую книгу, ез-

Орбелиановская баня

дить на конке — вызывая восхищение окружающих и своей красотой, и книгой, т.к. тогда это было редкостью: женщины мало работали. Когда маме исполнилось 6 лет, она отдала ее подготовить в институт учительнице Водопьяновой, видимо, недобросовестной, т.к. она маме не давала сладкого, а бабушке она, кроме оплаты по договору, предъявляла счета и на мыло, и на свечи, которые моя мать никогда не зажигала. А что касается сладкого, то, кроме киселя, она ничего не готовила. А приготовив кисель, горячим его сливала на блюдо. И пока он был горячим, следовательно, жидким и не имел пленки, ее ученики принаровились окунать в него пальцы и облизывать, так и получали третье блюдо сами. Жила она на высоком берегу Куры, и балкон выходил на реку. И ее ученики, привязав веревочку к кувшинчику, спускали его в реку и, набрав воды, поднимали его наверх. С детьми она совсем не занималась и плохо за ними смотрела, не мыла, не чесала, только к приходу родителей. Так у детей завелись вши, и они сами, намучившись этим, брали носовые платки, завязывали 4 угла узелками, надевали на голову и старательно елозили платками по ней. А потом, сняв их с головы и таким путем собрав вшей, стряхивали их в Куру. Так было до тех пор, пока мама не рассказала об этом бабушке,

которая, будучи, хоть и доброй, но горячее, сразу же забрала маму домой.

А тут и срок подошел поступать в институт, куда маму и отдали. Т.к. она очень хорошо читала, то ее приняли, и она училась отлично, и поведение было отличное. Словом, все было бы хорошо, если бы бабушка не вышла второй раз замуж, когда мама была уже в 4-м классе. Бабуся ей ничего не сказала, а просто на лето не взяла домой вовремя. А когда мама позже приехала домой, то и тогда ей ничего не сказали. И она, увидев белые атласные туфли, спросила кухарку: «Чи?», – то только тогда та ей сказала: «А Ваша маменька замуж вышла». Отчим был грузин, очень красивый, но детей не любил и относился к ним очень плохо, а маму не называл иначе, как «принцесса». Это длилось до окончания ею института. И дяде дал какую-то оскорбительную кличку. Когда мама окончила институт, она, видя, что дяде очень плохо живется, ей приходится все терпеть, а бабушка превратилась в забитую женщину и не протестует, мама в один прекрасный день, когда из-за ругани дядя куда-то убежал, просто потребовала от отчима его ухода. Бабушка этому очень обрадовалась, и они вдвоем его выдворили. Дядю вернули, и они втроем мирно зажили.

Я потом встречала дедушку неродного и в Тифлисе, и в Москве в Политехническом Музее

Извозчики на Эриванской площади

на выступлениях Маяковского. Даже сидела рядом, но он меня не знал, и мы так никогда и не обменялись ни одним словом. Он долго вел бракоразводное дело с бабушкой, которая питала к нему буквально ненависть и долго и злобно отказывала в разводе, а развестись тогда было очень трудно. И я удивлялась, что при ее доброте и незлобивости она это делала. Видимо, страдание за детей ее так озлобило, что она переродилась из-за долгих своих мучений.

Вообще в нашем роду все женщины были кра-

савицами, но жизнь у всех была тяжелая, много работали, были хорошими и женами, и матерями заботливыми, а личное счастье или короткое, или трагическое невезение.

Когда я поступила на железную дорогу, то там еще были все те, кто работал при бабусе, и поэтому ко мне все относились чрезвычайно хорошо, поскольку все знали меня с рождения. Но жизнь уже показала свои зубы: не прошло и 2-х месяцев, как началась немецкая война, а через три месяца – турецкая. Мы были уже втянуты в тяжелую, полную горестей жизнь, уже надолго ушли беззаботные дни, и наступили дни лишений, слез и горя. Для меня это была уже вторая война, т.к. я помнила хорошо японскую войну, и 1905 год, и 1907.

У нас на Кавказе это были годы борьбы тяжелой, с демонстрациями, бомбами, убийствами. Так, например, 1-ая мужская гимназия была на Головинском проспекте (теперь Руставели), почти рядом с дворцом наместника (между ними лишь собор). Так там засели революционеры, а казаки стали их обстреливать, и во время перестрелки было убито много гимназистов, даже в двух знакомых семьях...

Итак, убили двух мальчиков наших знакомых – Гришу Будник и Мишу Цирульникову. В те годы часто бросали бомбы и убивали на улицах. Однажды моя мать попала в такую ситуацию. Она была в «кружке» – это такой клуб, очень приличный, семейный, посещали его большей частью интеллигенция и военные. Во время какого-то спектакля – грохот дикий в соседнем зале, все вскочили, но какой-то военный закричал: «Тише, спокойно! Садитесь – это люстра упала». Он таким образом предотвратил панику. Все успокоились. А потом все вышли в фойе и увидели кровь и раненых. Мать моя вернулась еле живой. А потом больше года никуда не выходила, ни на какие вечера.

В 1905 году постоянно бывали демонстрации, причем одновременно двух лагерей. Однажды и мы попали. На Кавказе очень популярны серные бани. В Тифлисе их было две: одна «Ираклия» – красивое здание в мавританском стиле с огромной изразцовой аркой. И рядом невзрачные «Мирзоева». Но вода и ванны в них лучше, по крайней мере так считали у нас дома. В баню ездили всей семьей. Часто брали и Софью, которая там мыла всем головы, а после ехали к нам, где Софья оставалась до вечера. Дело в том, что бабуся работала через сутки (но это произошло только после 1905 года, а до этого ежедневно всю жизнь, и выходных дней не было совсем – и только с 1905 года дали помощника), так что надо было все согласовать: и свободный день, и приход Софьи, и погоду, словом, это было событие.

Собирались с утра, собирали белье, посылали за извозчиком (любой конец – 40 копеек) и ехали. И вот однажды едем всей семьей и видим: идет демонстрация навстречу, но не революционеров,

а попов с хоругвями и плакатами. Бабушка дико перепугалась и говорит: «Извозчик, поворачивай назад!» Извозчик повернул. Но тут показалась вдали, в конце улицы, уже другая демонстрация с красными флагами. Таким образом, мы на извозчике оказались между двумя враждебными группами, буквально оказались на поле боя. И ясно, что мы все замерли, а мама еще пояснила: «Это, наверное, Союз русского народа», что означало: черносотенцы! Тогда я тоже уже понимала, что нам несдобровать. А тут откуда-то появились казаки на лошадях, которые мчались с гиканьем и нагайками. Не помню как, но наш извозчик свернул куда-то во двор, и мы таким образом избежали мясорубки, которая началась в тот день на этом месте. Мы несколько часов провели на извозчике в чужом дворе, вдали от дома, умирая от страха, слыша топот казаков, стрельбу. И, конечно, ни в какую баню не попали.

Да, нет лучшей поры, чем детство, хотя оно и не было у меня сплошь счастливым и рано окончилось. Но все же лучше его не было. Раннее было, точно, хорошим, до 10 лет, а потом пошли всякие передряги. Мать болела постоянно, только помню ее здоровой до 7-8 лет. Правда, бабушка все скрашивала, баловала меня очень. Ежедневно мне давала 15 коп. из расчета 5 коп. завтрак (или котлета между двумя кусочками хлеба, или кусок пирога с яблоками) и 10 коп. на трамвай туда и обратно. Но у меня с 3-его класса завелась подруга Шура Левушкина. Она жила напротив, ее отец был мужской портной, а главное – баптистский проповедник. Были у них 4 девочки, дома стояла фисгармония, на которой отец играл, а вся семья пела псалмы. Я очень хорошо помню все их ритуалы. Меня очень поразили догмы их религии. Потом, в 1912 или 1913 году, их отец ездил в Америку, откуда привез 10 000 рублей для их молельного дома, но я с Шурой уже не дружила, поскольку я с ней рассорилась до этого за 1 или 2 года из-за неува-

жительного отзыва о моих близких.

Помню, как в гимназии праздновали 50-летний юбилей, посвященный Гоголю, и устроили костюмированный вечер. Шура оделась украинкой и танцевала свой гопак. Я мечтала о костюме испанки, но ничего не получилось, и я надела костюм мальчика. Был он сына маминой подруги Лидии Алексеевны Петровской, Алеши. Отец его был воспитателем в Военном училище, и жили они в казенной квартире при Училище. Его мать была крестной матерью моего брата. Мама продолжала с ней дружить и после окончания института. И я очень часто у них бывала, хотя с Алешей мы дрались, вернее, он таскал меня за косу. И за дело, т.к. его мать почти до кадетского корпуса не стригла его, он носил длинные волосы в локонах. Я его дразнила «девчонкой», за что он и драл за косы, если я не успевала убежать.

Мне очень нравилось к ним ходить. Квартира была большая, 6 комнат, а главное огромный плац. И сад с фонтаном. Плац был училища. И когда не было занятий – в нашем владении. Тут были дети и других воспитателей. Словом, весело и привольно.

Помню, какие были торжества наместника Воронцова-Дашкова (какой-то его юбилей). На плацу установили шатер черного сукна на красной подкладке с гербом. Нижегородский полк в малиновой форме (в нем отбывал военную службу Буденный, был вахмистром). Все кругом были возбуждены, играли оркестры (кажется, 3). Приехал наместник весь в черном с золотом (как Германн в «Пиковой Даме»), высокий, седой, стройный и красивый старик. Мы, дети, были в шатре, бегали между столами и ногами взрослых, объедались конфетами и фруктами и старались все увидеть. А я под конец почему-то очутилась в самом фонтане, где все дно было в скользкой зелени. И я, упав, замазала свое кисейное белое платье с голубой каймой. Словом, все меня жалели и чистили. И даже помню, говорили: «Какая чудная девочка! Куколка! Смотри, Никита, не женись, подожди, вырастет эта куколка!»

Потом, уже взрослой, я узнала, что это был князь Никита Трубецкой. Ведь дети очень чувствуют красоту. А этот человек был очень красив, а главное – взял меня на руки и надавал конфет и фруктов. Потом я его часто видела и на улице, и на скачках, которые часто в городе устраивали, и меня брали где-то до 12 лет, пока я дружила с Алешей. Мама моя была очень красива, мать Алеши тоже была интересной, а в Военном училище часто бывали вечера, как тогда говорили, «балы», и Лида всегда приглашала маму, которая очень любила красиво одеваться и танцевать. Возвращаясь с таких вечеров, мама мне привозила «бумажные ордена», которые получала за танцы, за «котильон». Они были очень красиво сделаны, из серебряной или золотой бумаги, даже, можно сказать, художественно, и я бывала в восторге.

Надо сказать, что бабушка очень баловала мою мать, а так как она материально была хорошо

обеспечена и сама на себя мало тратила, то маме было довольно несложно хорошо одеваться. Кроме жалованья бабушкиного и дяди, мать до 1914 года получала от отца на нас алименты, а кроме того, бабушка имела очень много подарков, т.к., будучи кассиршей 1 и 2 класса, общалась со всеми едущими за границу. Так, даже владелец Аскании-Нова Фальц-Фейн привозил ей из имения клубнику и помидоры в корзинках. Из Парижа, Вены – красивые мелочи, а иногда и материалы. Причем все это не так, как теперь: «Ты – мне, я – тебе», а так полагалось: внимание. Например, уезжает наместник, и ему прицепляют вагон-салон. Бабушке несут коробку шоколадных конфет. Огромную – 4 фунта (от Крафта). А ведь наместнику билеты не нужны. Точно так же и другим дамам полагалось – или цветы, или духи, или конфеты. Но что-то более принимать было неудобно, только от очень хороших знакомых – купцов (как менее воспитанных) бабушка принимала более крупные вещи. Но тогда это стоило дешево. Например, кружевная блузка – не более 5 руб., отрез на такую – 2-3 рубля. Это теперь все втридорога стало. А тогда все, кто

Обложка нот оперетты «Гейша»

ехал за границу, считал своим долгом что-то привезти. И поездки стоили недорого. Например, моя учительница музыки Евгения Клементьевна Калашникова каждый год ездила в Женеву, а жила уроками музыки и французского языка. Правда, она жаловалась, что за границей народ не такой, как у нас. Например, никогда ее к обеду не приглашают, а по очереди выходят из комнаты, наверное, едят (по крайней мере, она так думала). Она говорила, что еда во Франции очень дорогая, например, небольшой кусок пирога с мясом 2 руб. 50 коп. И приводила другие примеры. А ездила Лида Петровская с мужем и Алешей и привозила

уйму вещей. И стоило это все 500 руб., как она потом рассказывала. Но это были огромные деньги по тем временам (мама алиментами получала 75 руб., но на шляпу могла потратить 25; зато потом мы сидели едва ли не голодные).

Трудно вспоминать, хотя чем дальше события – тем они яснее и милее. А вот теперь, когда жизнь стала намного справедливее, нет здоровья и нет сил. Самое счастливое время до 10 лет, когда жили у бабуси. Очень часто у нее бывали интересные гости. Когда мне было лет 6-7, у нас бывал Гарин-Михайловский. Он был путеец и служил на железной дороге. У бабуси бывали многие путейцы с женами и детьми. Когда он бывал у нас, мама что-то ему говорила о его книгах, а я уже прочитала «Детство Темы». И вместе с мамой оплакивали и собачку в колодце, и наказание Темы, поэтому я запомнила посещение нашего дома автором мною оплаканной книги, на коленях которого я сидела, замерев от волнения, счастья и страха, т.к. была букой ужасной. Часто у бабушки бывали хорошие культурные музыканты, и целыми вечерами мы наслаждались концертами. Чаще других у нас бывали Рошупкины. Она пианистка, прекрасно играла на рояле, а муж, хотя и был офицером Генштаба, но чудно пел, больше арии из оперетт. Причем очень часто любил это делать, накинув или шаль, или халат. И в лицах пел несколько арий. Так, однажды он всю «Гейшу» пропел с пледом на плечах. И исполнил все женские роли, и приседал, и жесты, и походка – все по-японски (вернее, по-китайски – потом в театре взрослой я так это определила). Бывало очень весело, и мне в такие дни разрешали не ложиться, и я сидела со взрослыми до ужина. Но ужинать с ними мне не разрешали. В такие дни заказывали ужин в буфете на вокзале и еще что-то дома. В буфете это обыкновенно был салат (все овощи, каперсы, оливки, и все это уложено на блюдо, а сверху покрыто большими ломтями осетрины, а сверху залито майонезом, который не продавался, а его готовил повар – и нет сравнения с покупным!). Потом шашлык настоящий – молодой барашек с помидорами и баклажанами. Или свинной с луком и гранатом (смотря по сезону). Потом пломбир и обязательно миндальные пирожные и наливка вишневая домашняя. Уезжали они в 2-3 часа на извозчике. У них было 5 детей и его мать-акушерка, свой дом на Авлабаре. Он был в чине полковника, она преподавала в консерватории. Девочки учились в гимназии, один сын в реальном училище, старший – в кадетском корпусе. Помню, как она на старшего жаловалась: «Миша мальчик как мальчик, а вот Валю все тянет к кухаркам». Тогда я не понимала, почему это ее огорчает, а выросла и поняла недовольство матери. Вообще в доме бабушки часто бывали музыкальные вечера, вечера чтения, обсуждения новых книг. Все это я слушала и приучалась и к классической музыке, и к хорошим книгам, литературе...

(Публикуется в сокращении)

Лали Брегвадзе-Кахиани, писатель, переводчик. Окончила Тбилисский государственный университет имени Ив. Джавахишвили. Преподавала историю в средней школе, работала редактором в различных республиканских издательствах. С 1987 года член Союза писателей Грузии. Автор нескольких сборников рассказов – «Ласточки прилетели», «Мальчики», «Минорный аккорд», «Белая степь», «Этаж, который не существует» и др. Ей принадлежат переводы на грузинский язык романа испанского писателя Мигеля Делибеса, рассказов Хорхе Луиса Борхеса. Сборник ее рассказов «Улыбка манекена» вышел отдельным изданием на русском языке (перевод Виктории Зининой). Произведения Лали Брегвадзе-Кахиани переводились на украинский, азербайджанский, армянский, словацкий, английский, финский языки. Является основателем и издателем газеты «Ирао» («Парение»). Высокохудожественную, глубоко психологическую прозу Л.Брегвадзе-Кахиани отличает любовь и сочувствие к человеку. И в каком бы трудном положении ни оказывался ее герой, она всегда оставляет приоткрытой штору на окне для хотя бы маленького лучика надежды.

Лали БРЕГВАДЗЕ-КАХИАНИ

Перевод с грузинского
Камиллы-Мариам Коринтэли

ДОБРОЕ УТРО, БАТОНО НОЭ!

РАССКАЗ

Все началось с того, что молодой сотрудник кладбищенского офиса вручил ей какую-то бумажку и сказал:

– Вот, внесете эту сумму в банк.

Она взяла бумажку. Это был номер счета, на который следовало зачислить деньги. Лалита копила эти деньги в течение долгого времени. Взглянув на листок, она почувствовала, что совершив эту, казалось бы, вполне безопасную операцию, она не только покупает землю, но заключает соглашение с незнакомым распорядителем вечно-го пристанища, безмолвное, нерушимое соглашение, по которому нельзя было бы сказать, что жизнь человеческая всего лишь огромная капля, упавшая с лепестка лотоса и беспрерывная печальная повесть со своим началом и концом.

А он, владелец кладбища по имени Ноэ, молча сидел за красивым письменным столом в углу комнаты. Сидел, скрестив руки, высоко подняв голову – словно военный, который готовится отдать честь. У него был внушительный вид. Казалось, он слушает диалог Лалиты и сотрудника не ушами, а спокойными, с чуть припухшими веками, голубыми глазами.

– Я сегодня же зачислю, – проговорила Лалита.

– Воля ваша, – равнодушно отозвался сотрудник.

Его слова резко прокатились по полутемному офису и четко объяснили Лалите, что здесь отнюдь не то место, где можно ожидать сочувствия. Здесь не было и намека на какой-либо романтизм. Угрюмая обитель безнадежности или, иначе говоря, логический конец радостей жизни.

На миг ею овладела слабость, но она тут же взяла себя в руки и молча вышла.

Она не знала, правильно ли поступила, придя сюда одна. Стояли очень жаркие летние дни, и она из осторожности не взяла с собой недавно перенесшего операцию мужа. Неприятную процедуру взяла на себя. У супругов не было наследников. Они решили заранее позаботиться о том, что когда-то непременно произойдет, чтобы спокойно провести оставшуюся жизнь.

Перечислив деньги и возвращаясь домой, она старалась не задумываться. Надо было, насколько возможно, просто смотреть на все это. Однако мысли приходили сами собой, вертясь вокруг нового кладбища на городской окраине, которое

фактически представляло продолжение старого кладбища соседней деревни. Оно было коммерческим и давало возможность приобрести место вечного упокоения при жизни, что конечно, было так привлекательно для тех, кто не имел наследников.

Но самая чувствительная частица подсознания все же ощущала легкий укол затаенной печали, подобный бессильной ярости, признать которую она не хотела. Только бы не допустить до сердца, как-нибудь бы избавиться от тягостных мыслей. Лалита старалась отбросить от себя черную энергию, эту губительную силу, которая, по мнению ученых, составляет три четверти всей существующей энергии. Она мгновенно пронизывает душу и тело, а затем расширяется и растет.

Нелегко играть роль спокойного человека, когда ты вовсе не такая. Лалита всегда остро переживала даже самые незначительные события и ситуации. Например, до сих пор в ушах ее звучала требовательно-строгая фраза преподавательницы музыки, несмотря на то, что с тех пор прошло

сколько уж десятков лет: «Прочувствуй! Прочувствуй звук!»

А она, тогда маленькая ученица, не знала, что делать, как прочувствовать звук!

Минуло время. Лалита писатель. Потому она стремится со стороны смотреть на явления, как это происходит во время письма. Ведь она легко может идентифицировать с собой ею же созданный персонаж, переадресовать ему действия, передать собственные переживания, чувства, причем – без малейшей натяжки, без фальши.

Когда ты автор, тебе подвластно многое. Для сознания нет ничего неодолимого. Воображение при необходимости может произвольно перемещать явления. Тем более, если автор покупает двухместный клочок земли на пригородном частном кладбище, которое расположено высоко на горе, на дороге из столицы в Мтиулети.

От улицы кладбище отделяет железная ограда. Войдя в ворота, сразу же встречаешь четырехместную могилу, которая еще только строится, но с первого же взгляда заметно, что она является объектом особого внимания и заботы. Она принадлежит владельцу кладбища батони Ноэ. Изголовье высокое, мрамор посередине подготовлен в расчете на изображение во весь рост. Затем – свободная территория, довольно обширная. Позднее Лалита узнает, что здесь будет построена церковь, которая станет украшением и венцом всего. А пока что территория эта похожа на какой-то хозяйственный участок. Здесь разгуливают гуси, куры и, представьте, даже индейки.

Вид домашней птицы в столь неподобающем месте поначалу очень удивил Лалиту. Это был явный диссонанс. Но удивление длилось, пока она не узнала реальной причины существования здесь этого птичьего двора. Оказывается, гуси,

куры, индейки используются в целях борьбы со змеями.

Воздух тут чистейший, свободный от ядовитых выхлопов автомашин. Не слышно сумасшедшей какофонии их сирен, грохота и воя моторов, стона и гомона агонизирующего города. По правую сторону отсюда зеленеет сень деревенского леса, прямо напротив, за давно выстроенными безликими многоэтажными корпусами, виднеются фрагменты города, слева, в низине, поблескивают два маленьких естественных озера недалеко друг от друга, приют комаров. Правда, на всей территории кладбища деревьев нет, если не считать несколько скромно стоящих плакучих ив. Некоторые родственники усопших нашли выход, защищаясь от палящего солнца: соорудили навесы из темного оргстекла. Впрочем для лежащих здесь ни навесы, ни солнце не имеют никакого значения.

Здесь и земля какая-то не такая, пересохшая от зноя, вроде как зола, но родственники усопших устраняют и этот дефект: автомашинами привозят где-то раздобытые пласты хорошей земли.

Однако Лалита больше заглядывает в собственную душу, чем смотрит вокруг. А там она видит одно и то же – глаза человека, два лучезарных чуда. Глаза Иисуса, которые говорят ей: «Не убоись!» И она, правда, не боится, без труда преодолевает ничего ей не дающие эмоции. Отдавшись холодному разуму, она обретает черты характера своего стойкого героя. Она поглощена работой, которую неградивый рабочий бросил незаконченной – расчисткой стенок фундамента могилы.

Солнце печет нещадно, но ее это не страшит. Идентифицированная со своим собственным персонажем, витая между реальностью и воображением, она стремится внести в трагизм нотки комизма. Ага, вот сюда направляется, опираясь на трость, сам Ноз, владелец этой земли. Неспешным, но энергич-

ным размеренным шагом он неуклонно приближается. На голове его красуется соломенное сомбреро с подвернутыми полями. Довольно быстро одолевает он вероятно, множество раз пройденное расстояние. Он подходит и молча присаживается на низкую стенку соседней могилы, изящно облицованную камнем. Молча наблюдает, как заказчица старается углубить основание.

Старательность Лалиты вскоре заставляет невозмутимого Ноэ потерять терпение. Поэтому он ей советует – или велит: «Полно, полно, не мучайтесь, достаточно, больше не требуется!»

Лалита, конечно, возражает:

– Нет, не достаточно, высота везде должна быть одинаковой. Ваш рабочий это отваял. Вот там правильно, – лопатой указывает она на какой-то участок. – Надо равнять с той частью.

Ноэ улыбается. «Ему-то все равно», – думает она. И слово в ответ на ее мысли, хозяин кладбища произносит с легкой насмешкой:

– Вы что, дворец строите?

Тогда Лалита, которая прожила всю свою жизнь так, что со всеми трудностями боролась лишь своими силами, без помощника и защитника, все – сама, и не сожалела о том, отвечает ему с упрямой уверенностью:

– Да, именно дворец строю.

И с пущим усердием продолжает работу. Кажется, ей даже приятно ковырять эту землю. Такова была ее натура: за что она не бралась, любое дело делала от души. Почему же она не должна стараться здесь, работая над упорядочиванием места своего вечного упокоения? Во-первых, она чувствует ответственность, и, кроме того, таким образом как бы примиряется со смертью, заключает мир с неодолимой, что в то же время означает скрытый протест, попытку неповиновения той, перед которой трепещут сильнейшие мира сего. Тайную игру, или борьбу, затеяла Лали-

та с ее непреложным законом, чем чуть-чуть облегчала свое положение.

«Не убоись!», – ободряли Его удивительные глаза.

Этого никогда никто не поймет. Только супругу своему признается она, простыми словами поведаёт тайну. Только он один поверит ей, поверит в истинность каждого ее слова.

Лалита работает и думает о своем. Эти думы спасают ее от навязчивого взгляда Ноэ. Вспоминаются ей слова отца Гурама Рчеулишвили в адрес болтунов: «Где Гурам, там пантеон». Пусть слушают мудрые слова мудрого отца, который хорошо знал цену своему сыну.

Да, это так: пантеон там, где покоится настоящий писатель. А ну, пусть кто-нибудь скажет более точно, более верно. Отец не допустил, чтобы тело его столь достойно погибшего сына – прекрасного юноши и прекрасного писателя – носили туда и сюда. Он оставил его на скромном городском кладбище в семейной могиле, потому что достоинство самодостаточно и неприкосновенно, а истинный творец – уникальный индивид. Он одинок и в жизни, и в смерти. Человек не должен превращаться в тотем. Человек должен оставаться человеком.

Размышления сближают ее с этой местностью. Ближе становится это небо, эта земля, этот знойный, душный ветерок, стук и визг инструментов каменотесов.

– Сколько вам лет? – прозвучал внезапно вопрос Ноэ.

– Семьдесят, – ответила Лалита.

– А я вот за восемьдесят шагнул, – как-то виновато проговорил Ноэ.

– По вам не видно, – не скупилась на комплимент Лалита. – Наверное, вы ведете правильный образ жизни.

– Да уж... не знаю, что...

Лалита погрузилась в рассмотрение фундамента. Ее продолжало беспокоить неровное, неряшливо сделанное основание. «Глубину нужно

немного добавить», – проговорила она как бы про себя, но в действительности для Ноэ. За эту работу она хорошо заплатила, потому и высказывала претензии, требовала качество. Она выпрямилась и только хотела добавить еще что-то, как вдруг услышала голос Ноэ, уже другой, смягченный:

– В молодости вы, верно, были красивы, – неуместно, как ей показалось, сказал он.

Она внутренне вздрогнула, – не ожидала такого оборота беседы – окинула взглядом хозяина кладбища и не желая продолжать тему, коротко произнесла:

– Да, верно.

Ей так и хотелось сказать: «Моему мужу я и сейчас нравлюсь». Но она сдержалась.

Эта ничего не значащая беседа состоялась в один из великих исторических дней, 14 июня 2015 года, когда запущенная девять лет назад NASA межпланетная станция «New Horizont» с телом американского астронома Клайда Томбо, открывателя Плутона, преодолела в космосе пять миллиардов километров и пролетела мимо этой, так называемой, карликовой планеты на максимальном расстоянии в 12 с половиной тысяч километров с быстротой 14 километров в секунду. Это было в 11 часов 50 минут по Гринвичу.

– Присаживайтесь, отдохните немного, – сказал ей Ноэ, рукой указывая на место рядом. – Все сделают, не беспокойтесь, сделают так, как вы желаете.

Она приняла приглашение, оставила свою работу, подошла и села подле него.

Некоторое время они сидели молча. Оба думали о чем-то своем. По всей вероятности, о бытии-небытии, и слова тут излишни.

Первым нарушил молчание Ноэ.

– А вы храбрая женщина. Вы заслуживаете большого уважения.

Лалита удивилась. В чем

же ее храбрость? Она вовсе не считала себя храброй. И не понимала, почему произвела на Ноз такое впечатление. Но предпочла промолчать. Может, Ноз сам объяснит, что он имел в виду. Потому она терпеливо, не сводя с него глаз, ожидала, что еще он скажет.

И он вправду не заставил долго себя ждать.

– Я удивляюсь, как вы решились на это, – сказал он, жестом указывая на могилу.

Лалита улыбнулась.

– Тому, что неизбежно, надо покориться, – коротко ответила она.

– А вот я долго колебался. Мне говорили, у тебя, мол, такая территория, сделай и для себя что-то. Довольно долго я раздумывал. Признаюсь, я боялся.

Вот оно что. Яснее не скажешь. Но степень откровенности не меняет остроты возможности. Говорят, чем богаче человек, тем труднее ему примириться со смертью.

Никто не знает насколько это соответствует действительности, но в последнее время нередко услышишь от тех, кто запутался в тяготах современной жизни: о, хотя бы умереть и отдохнуть! Они забывают, что смерть по заказу – прерогатива убийц. Собственную смерть по своему желанию не вызовешь. Это функция Всевышнего. Живой должен думать о жизни. Жизнь не менее безжалостна, не лучше ли опасаться жизни, которая то и дело готовит нам испытания.

А Ноз, между тем, повеселел, он не прочь и пошутить.

– Здесь мы вместе жить будем. Станем навечно соседями, – говорит он.

– Да, соседями, только дальними. Но я все же подам вам голос из моей скромной могилы, вы в вашей богатой усыпальнице рано на заре услышите, как я буду вас громко приветствовать: «Доброе утро, батона Ноз!»

Оба весело смеются. Жизнь празднует, жизни праздник к лицу.

– А церковь, батона Ноз? Одна маленькая церквушка и вправду украсит это место!

– Посмотрим, посмотрим. Я-то собираюсь, да вот если успею...

– На имя Спасителя было бы хорошо. Лучше этого ничего не сделать! И пресмыкающиеся исчезнут, и гуси уже не понадобятся.

Он кивает головой – посмотрим, посмотрим, мол. Видно, беседа на необычно деликатную тему и, еще более, шутки как-то повлияли на него. Про себя он разозлился на тщету жизни, как на шаловливого ребенка, которого и не знаешь, как наказать, и можешь только пригрозить: «Знаешь, что я тебе скажу, знаешь?! Проказник!»

Ноз встал, оперся на свою трость и зашагал по дороге к офису.

Постепенно выяснилось, что Ноз был и хороший собеседник, и хороший рассказчик. И было у него о чем рассказывать. Беженец из Абхазии, у которого мать была абхазка, а отец – грузин, мегрел. Слушая этого вежливого, закаленного жизнью человека, нетрудно было понять, что он прочно стоит на земле. Он знал цену деньгам, причем, настолько, что заслужил репутацию скупого. Куда бы не забросила его судьба, удача сопутствовала ему. Он больше жил прошлым, которое было интересным. Настоящее привязало его к этому кладбищу. С утра дотемна сидел он в офисе и служил своему делу, которое называлось бизнесом. «Бизнес» ему не изменял.

По желанию Лалиты Ноз все свои воспоминания, большая часть которых касалась его послевоенной жизни в Москве, рассказывает персонажу, имя которому автор то ли забыл, то ли просто не счел нужным дать. Это не имеет значения и за грех не считается. Персонаж, пусть хоть безымянный, все равно персонаж. Куда он денется, везде его найдем, ведь он сидит в рамке обязательств автора, который не дал ему четкого лица.

Иной раз перепоручит ему свою роль, включит в какой-нибудь эпизод и все. Потому он мало что знает о Лалите и ее планах. Он терпеливо выжидает под покровом своей функции, словно обиженный, как тот сосед, у которого деньги иссякли и он с досады и здороваться не хочет. Не глядит на тебя, будто в его беде ты виноват. Был у Лалиты один такой сосед, который считал, если ты не жалуешься, не ноешь, не донимаешь его своими проблемами, значит у тебя все прекрасно, ты в другой более высокой категории. И к тебе, хотя и тайно, в глубине души, отношение должно быть антагонистическое. Да только для того, кто в своей раковине закрылся, разве это имеет значение: Лалита стала почти что такой: старых подруг не осталось, если не считать одной-двух Богом забытых. Новых заводить было уже не время. Она пришла к заключению, что от взаимоотношений с людьми добра ждать не приходится, разделила их на две категории: на персонажей и читателей. И те и другие существуют независимо от нее. И от тех и от других ее отделяло и защищало строго охраняемое виртуальное пространство, легкое и свободное, так как они оба ничего не требовали друг от друга.

Как вы думаете, может представить себе персонаж, что у его автора, у Лалиты, немеют пальцы на ногах и словно мурашки по ним бегают? Потому она часто ставит ступни на иппликатор Кузнецова и с силой нажимает ими на иголки, чтобы кровь не застаивалась. Или что по ночам, во сне, она снова, как когда-то, стала летать. Столько лет спустя вернула несравненное чувство своей особенности. Кто объяснит какую связь это имеет с совершенно уникальной способностью, заставить умолкнуть стаю лающих в ночи собак. Факт, что она воздействует на них, свободно входит в их альфа уровень.

Знает ли персонаж, что Лалита почти каждый розыгрыш лотереи лото покупает один-

единственный билет? Притом, не теряет упрямой надежды на выигрыш. Или то, что она не любит бывать в людных местах, устраивать презентации своих книг, праздновать день своего рождения... Что она употребляет лучшую зубную пасту и терпеть не может, если кто-то дважды рассказывает ей одно и то же. Таких людей она считает шизофрениками... Много чего еще не знает персонаж. Да и не нужно ему знать, он должен быть легко управляемым. Такой он и есть. Внимательно слушает он рассказы Ноэ, как ему и велит его особое положение.

А Ноэ, сидящий за каштанового цвета письменным столом, неторопливо рассказывает, как некий лекарь, народный целитель, избавил его от крапивной лихорадки, и жалеет, что не довел лечение до конца, вместо необходимых двенадцати стаканов микстуры выпил всего девять. Лекарь, пошла Бог ему здоровья, предупредил его – выпей и эти два стакана, курс надо закончить, иначе в старости болезнь тебя вспомнит, но он так и не допил.

– Не послушал я его и теперь

какие-то признаки и впрямь чувствую, – заключил Ноэ.

Рассказал он и о своей умной собаке, которой он подвешивал в ошейник маленькую коробочку с деньгами и запиской, что надо купить и отпущал в лавку. Она прибежала туда, становилась в очередь, как того требовал неписанный закон, и приносил ему в зубах полный целофановый мешок с покупками. Потом лавку ликвидировали, сделали там супермаркет, в который собаку не пустили. Оскорбленная, она недолго думая, с разбега прыгнула на витрину и вмиг разбила большое стекло, из-за чего Ноэ пришлось ходить в суд.

Вспомнил он и шулера, игрока в «очко» который продавал цыганам меченые карты. Этими картами знакомый Ноэ в одну ночь проиграл двенадцать миллионов рублей по старому курсу – большие на то время деньги. И так далее, и тому подобное...

Когда Ноэ рассказывает свои истории, нужно сидеть и слушать. Во-первых, это увлекательно для слушателя, во-вторых, он и сам так увлекается, что его не остановить. На-

стоящее полно воспоминаний, настоящее – огромный сундук воспоминаний о былом.

Бессильная ярость.

Такое состояние – вечный спутник жизни – обитель чувств задохшихся в святых слезах.

Я должна жить столько, чтобы все меня забыли!

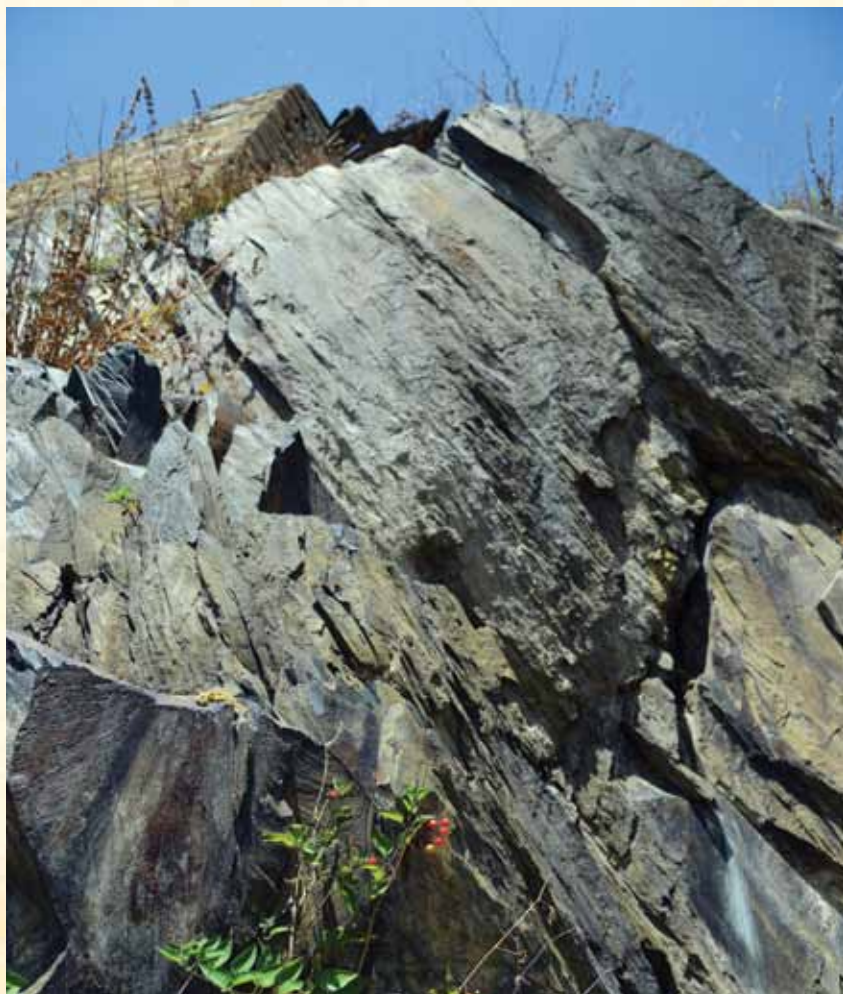
Подлинного автора здесь не видно. Подлинное всегда в тени. Сцена предоставляется куклам. Выше головы не прыгнешь. Жара нещадная. Зной расслабляет. Одновременно закаляет ум, обостряет инстинкт выживания. Да и вообще, человек не долго выдержит в состоянии дремоты. Что-то заставляет очнуться, протрезветь, широко раскрыть глаза, осмотреться вокруг, где цветут отнюдь не только розы и фиалки. Времени мало. Истекает твое время. Впереди новый горизонт, чуждый, непознаваемый. Ничего не сулит тебе эта неизвестность. И не ожидай! Не ошибись и не жди. Для чего?.. Достаточно пустых представлений. Ничего тебе не нужно.

Ты уже и не требуешь. Видно, поумнела. Так легче осознать и понять, что ты пришла гостьей на голубой шар жизни, чей радиус составляет всего лишь шесть тысяч триста семьдесят один километр, не больше и не меньше. Сюда, на этот шар, до тебя приходили многие и многие и объявляли его своим домом. В этой красивой лжи нет ничего предосудительного.

И тебе следовало поступить так же, поскольку смелость и решительность присущи жизни. Прими дарованную Господом жизнь. Живи пока живется, радуйся великой чести быть человеком. Не копи в душе обиды, озари светом дни на Земле, жить на которой помогает наука, а уходить – религия.

Не убоись!

И если расставаться хоть с одним человеком тебе тяжело, жить стоит!

Ротонда в городском парке рядом с краеведческим музеем. Сухуми. 1940-е гг.

Видный ученый-археолог

■ Леонид ДЖАХАЯ

В середине прошлого века в Сухуми был хорошо известен археолог Лев Николаевич Соловьев. Я много лет знал этого скромного труженика науки и хочу рассказать несколько эпизодов нашей дружбы.

Лев Николаевич Соловьев (1894-1967) был профессиональным археологом и музейным работником. Он родился в селе Медвенка Обоянского уезда. В 1905-1913 годах учился в Курской гимназии, окончил Харьковский университет; состоял слушателем Московского археологического института. В 1919 году был мобилизован в Красную Армию. По возвращении с фронта (1920) работал в Херсонском музее-заповеднике. В 1927 году возвратился в родной Курск, где в 1928-1930 годах был научным сотрудником губернского музея. В 1931 году переезжает на Кавказ, в Сухуми, где возвращается к музейной работе и археологическим исследованиям, в част-

ности, он усовершенствовал методику изучения такого сложного типа археологических памятников, как дольмены.

Сухумская 2-я мужская средняя школа имени А.С. Пушкина, в которой я учился, располагалась в самом центре города. Через улицу от школы находился Сухумский краеведческий музей, куда очень скоро я стал навещать довольно часто, вначале по билетам, а потом просто так, как «юный краевед». И в самом деле, мне все было интересно в музее, где в просторных помещениях первого и второго этажей наглядно были представлены флора и фауна, первобытная, античная, средневековая и современная история Абхазии. Мне уже было 12 лет, отец был еще на фронте, мама большую часть времени проводила в деревне для сбора урожая, бабушка была занята в больнице, а посему мне предоставлялась полная свобода. Учеба в школе не отнимала

у меня много времени, и в краеведческом музее я бывал если не каждый день, то по крайней мере – через день.

Итогом моих частых посещений краеведческого музея было то, что там я познакомился со Львом Николаевичем Соловьевым, который в то время был заведующим отделом Сухумского краеведческого музея. Скорее всего сам Лев Николаевич обратил внимание на любознательного мальчугана, упорно, почти каждый день приходившего в пустой музей. Это потом, когда жизнь наладится, Сухумский краеведческий музей, как обязательный экскурсионный объект, наводнят толпы отдыхающих, туристов, экскурсантов, именитых гостей города. Итак, мое знакомство со Львом Николаевичем состоялось, и я стал его верным помощником в работе. Лев Николаевич был скромным тружеником науки, хранителем музейных богатств, не чурался никакой

Лев Соловьев

работы, занимался только музеем: организацией экспозиций, систематизацией фондов, картотек, фотодокументов и пр. Он и жил при музее, в двух скромных комнатах одноэтажного домика, с женой, верной спутницей и активной помощницей при археологических раскопках Диоскурии и Севастополиса – древнейших предшественниц Сухуми. Даже свое хобби – живопись – Лев Николаевич посвящал истории и археологии. В его комнате стоял мольберт с начатой, но так и не законченной картиной масляными красками, изображавшей наиболее вероятную версию того, как в далекую, первобытную эпоху неолита люди могли строить дольмены – мегалитические погребальные камеры из пяти громадных плит хорошо обработанного известняка удивительно правильной формы. Несмотря на большие заслуги в области истории и археологии (все исследователи древнего Кавказа в обязательном порядке цитируют его труды в своих публикациях), Лев Николаевич очень поздно защитил кандидатскую диссертацию.

Вскоре вокруг Л.Н. Соловьева организовался кружок школьников-энтузиастов, вроде меня. Все они были старше меня по возрасту, росту, обучались в старших классах, я же был самый младший и ростом меньше (позже я всех обогнал). Мы с одинаковым воодушевлением

исследовали окрестные пещеры, крепости и замки, собирали предметы старины, участвовали в археологических раскопках, все более удаляясь от Сухуми.

Мне особенно запомнились три эпизода из наших летних походов. Первый связан с «мнимыми» раскопками в районе Маяка, в западной части Сухуми. Я называю эти раскопки «мнимыми», потому что тогда, в 1946-1947 годах, необжитые, незаселенные пустыри вокруг Маяка были колхозным полем, распаханном вдоль и поперек, так что и копать было незачем, – все, что нас интересовало, уже было на поверхности земли, благодаря трактору и плугу. Важно было прийти туда весной, пока не взойдут посевы, а вспаханное поле лежит, как на ладони. Для нашего похода на Маяк не нужны были каникулы, достаточно было одного воскресного весеннего дня – с утра до вечера, да и транспорта не нужно, мы не были избалованы автобусами и автомобилями в то послевоенное время и превосходно ходили пешком туда и обратно.

Когда вся наша команда собралась в полном составе, мы, во главе со Львом Николаевичем, двинулись в путь. Дорога на Маяк тогда была неасфальтированной, движения машин на ней практически не было, так что шли мы прогулочным шагом, слушая рассказ Л.Н. Соловьева о том, что предстоит нам делать на Ма-

яке. Суть рассказа сводилась к тому, что по всем данным на Маякском мысе располагалась стоянка первобытного племени, занимавшегося солеварением, а точнее – выпариванием соли из морской воды для собственных нужд и обмена. Делалось это так: на берегу моря, там, где сейчас колхозное поле, рыли квадратные лунки, в форме куба, затем этот открытый куб обкладывали грубой тканью и обмазывали красной глиной. Когда глина высыхала, кубы заполняли морской водой, рядом разжигали костры из заранее заготовленных дров, в костры бросали средней величины круглые камни, собранные на берегу моря, и когда камни накалялись, их кидали в глиняные чаны, – морская вода вскипала и высыхала, а на дне и стенке чанов оседала белая соль, что и было возжеленной целью всей этой древней технологической процедуры солеварения.

Когда мы пришли к месту назначения, все сказанное Л.Н. Соловьевым предстало перед нами в самом наглядном виде: в бороздах вспаханного поля на каждом шагу, тут и там, торчали глиняные черепки с оттисками ткани на одной стороне. Черепки были плоские, разных размеров, побольше и поменьше, но целый куб нам не попадался. Лев Николаевич объяснил нам, что чаны разбивались от многократного бросания камней во время выпаривания соли, а затем уже

В Азантской пещере у костра. Л.Н. Соловьев (справа), третий слева – Леонид Джаях

в наше время дробление черепков довершил плуг, вспахавший это поле, наверное, тоже не один раз. Поэтому Лев Николаевич поставил перед нами задачу – искать крупные детали глиняных чанов с таким расчетом, чтобы из них затем собрать и склеить один целый чан.

В принципе выполнить эту задачу оказалось совсем не трудно, – на поле было такое огромное количество крупных и мелких черепков, что мы собрали по частям (разумеется, от разных сосудов) не один, а даже три чана, которые так и просились соединиться вместе. Но так же, как и во всяком другом деле, в тонком деле археологии тоже нужна изрядная доля везения, и нам действительно улыбнулась удача, – попался целый, неповрежденный сосуд, точь-в-точь такой, каким его описывал Л.Н. Соловьев. Мы были рады этому чудесному везению, я даже предполагаю сейчас, что сосуд уцелел и дошел до нас не только потому, что не попал под плуг тракториста, но также и потому, что в свое время, много тысяч лет назад, остался нетронутым, ни разу не использованным, в виде заготовки впрок, что также было не чуждо древним людям. У нас были все основания гордиться нашей находкой, потому что очень скоро, благодаря стараниям Л.Н. Соловьева, она стала уникальным экспонатом в одном из залов Сухумского краеведческого музея, и сколько я помню, постоянно красовалась

Леонид Джахая в школьные годы

на стенде в экспозиции каменного века.

Вот так, радостные, возбужденные, шагали мы в тот воскресный день весной 1946 года обратно по дороге в Сухуми, с чувством исполненного долга, заглянув вглубь веков, в многотысячелетнее прошлое. Такие походы значительно обогащали наши знания истории, больше, чем школьные учебники, хотя свои учебники, и не только по истории, но и по всем остальным предметам, я до сих пор люблю, отношусь к ним с огромным уважением.

Летом того же года мы пошли вдоль Келасурской стены. Келасурскую стену, которая в то время именовалась «Великой Абхазской стеной», мы прошли до самых истоков реки Келасури, там стена поворачивает в сторону Ткварчели, а мы вернулись обратно, чтобы быть в Сухуми до наступления темноты, – поход был однодневный. Келасурская стена тянется с того места, где река Келасури впадает в Черное море, и далее продолжается по ущелью. Толстенная стена, выложенная увесистыми булыжниками, она перемежается сторожевыми башнями, бойницами и прочими атрибутами военных укреплений далекой поры. Это действительно великая стена, вторая в мире по протяженности после Великой Китайской стены. Что касается того, что она «Абхазская», то сомнения на этот счет высказывал еще Лев Николаевич Соловьев. При замерах стен, проемов, Л.Н. Соловьев говорил: «Обратите внимание, что двери расширяются внутрь полукружья, то есть во внутренние районы Очамчире и Гали, а бойницы суживаются вовне, на север, следовательно, строители крепости ожидали нападения с севера, с отрогов Кавказского хребта. А теперь посмотрите на это бревенчатое перекрытие, оно сохранилось, значит, ему не 15 веков, а максимум 3-4». Все это блестяще подтвердилось впоследствии, когда были найдены расписки владетельного князя Самегрело Левана II Дадиани, который в

1632 году соорудил Келасурскую стену от моря до Ткварчели на средства христианских церквей, храмов и монастырей для защиты христианского мира от вторжения адыгских племен с Северного Кавказа, а радиоуглеродный метод удостоверил этот факт. Так Келасурская стена «помолодела» на тысячу лет.

Следующий хорошо запомнившийся мне поход под руководством Л.Н. Соловьева состоялся летом 1947 года на озеро Амткел, что за Цебельдой в Гульрипшском районе. Так как этот поход был многодневный, а у Льва Николаевича был фотоаппарат «ФЭД», то многие эпизоды этой археологической экспедиции запечатлены на фотографиях, которые и поныне хранятся в моем архиве. На одной фотографии написано: «По дороге в Азанту. 15.8.47 г.». На другой: «В Азантской пещере у костра. 16.8.47 г.», на третьей: «Цебельда. В ожидании автобуса. 17.8.47 г.». На небольших любительских снимках вся наша археологическая группа во главе с Л.Н. Соловьевым, с ним его друг – художник. А история этой экспедиции такова.

За Цебельдой, у села Азанта, что рядом с озером Амткел, давно были известны древние могильники-дольмены, каким-то чудом построенные первобытными людьми, не знавшими ни железных орудий труда, ни колеса, ни подъемных устройств. Впрочем, так обстоит дело со всеми древними мегалитическими сооружениями во всех частях света, и эта загадка до сих пор еще не решена. Л.Н. Соловьев резонно предположил, что в тех местах, где встречаются дольмены, обязательно должны были жить создатели этих дольменов, скорее всего в карстовых пещерах, которыми изобилуют окрестности озера Амткел. Само это озеро – искусственное, недавно возникшее, когда в результате землетрясения часть известковой горы откололась и запрудила речку, и местные жители уверяли, что это случилось в XIX веке, на памяти ныне живущих людей, так что вы-

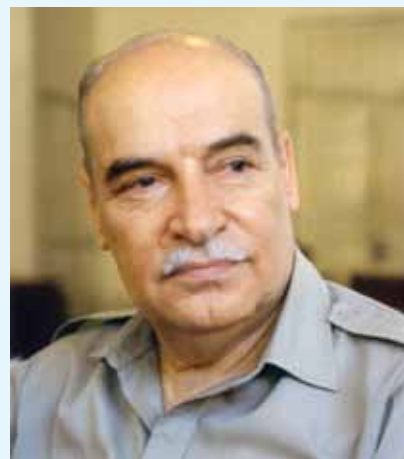
ходит, озеро совсем молодое. Но в этих известковых горах много карстовых пещер, одну из них, двухъярусную, Лев Николаевич посчитал вполне подходящей для обитания первобытных людей: пещера была в крутом склоне горы, практически недоступная, а значит, хорошо защищенная от диких зверей и от нападения врагов, рядом протекала горная речка, значит, было достаточно воды и рыбы. Предстояло убедиться, верна ли эта версия. С этой целью и отправилась наша археологическая группа на озеро Амткел в августе 1947 года.

Сразу скажу, что следов стоянки первобытного человека ни в первом, ни во втором ярусе пещеры мы не обнаружили. Копали, раскапывали, но ничего не нашли: ни очага, ни росписей, ни костей съеденных животных, единственное, что мы нашли, были кости летучих мышей, которых и во время нашего пребывания в пещере (мы там даже ночевали) было более чем достаточно. Соорудив самодельную лестницу, мы забрались в верхний ярус и с помощью карбидного фонаря тщательно обследовали эту совершенно темную пещеру, где летучих мышей и их останков было даже больше, чем в нижней большой пещере. Сфотографировав все, что заслуживало внимания, Лев Николаевич посчитал, что наша миссия выполнена, и можно возвращаться домой. Но так обстояло дело только с научной, деловой частью. Однако была не только наука, а по крайней мере еще одно обстоятельство, о котором я хочу здесь рассказать.

В наших путешествиях всегда наступал момент, когда кончалась еда и нам приходилось думать, как раздобыть пропитание. Почему с таким постоянством повторялась одна и та же история, легко поддается объяснению: в походе, в многокилометровом марше пешком, на свежем воздухе у нас появлялся такой аппетит, что все заготовленные впрок припасы съедались в первые два дня, а потом мы переходили на подножный корм. Уже в

азантской пещере мы заметили, что провианты катастрофически тают, поэтому было решено во благо науки совершить набег на соседнее колхозное кукурузное поле и поживиться свежей, молочно-спелой кукурузой, благо был август, и в это время кукуруза уже вполне съедобна. Молодежь (старшие были заняты более серьезной работой) разделилась на две группы: одна, основная, пошла добывать кукурузу, а мне предстояло спуститься к озеру и принести котелок с водой, чтобы эту кукурузу варить. Я вышел из пещеры с котелком в одной руке и, хватаясь другой рукой за стебли кустарников, дабы не поскользнуться на сырой траве, стал медленно спускаться к озеру. Я знал одно: озеро внизу, но его поверхность была застлана еще не рассеявшимся утренним туманом, и я не совсем ясно представлял себе, в каком месте я выйду к озеру. Поэтому я обошел стороной скалистый утес, нашел неподалеку спуск к воде, зачерпнул полный котелок и поднялся наверх к пещере, где меня уже ждали друзья со свежей кукурузой. Мы быстро разожгли костер, сварили весь запас и вкусно пообедали.

В оставшиеся день-два, уже по дороге в Сухуми, мы были всерьез заняты добыванием пищи. Лев Николаевич был сведущий человек во всех жизненных ситуациях, он знал, какие грибы съедобны, а какие нет, на лесных тропинках мы собирали кислицы, мелкие яблоки и груши, поедали в изобилии лесные ягоды. Но захотелось настоящего обеда. Впереди была мельница, и там, конечно, можно было поживиться кое-чем съестным – мука, сыр и пр. С дороги хорошо было видно, что на мельнице много народу, мужчины оживленно о чем-то беседовали. Мы направились к мельнице, и вскоре желанные мука, сыр и прочие продукты были подарены нам, и мы доставили их к нашему ужину. И в самом деле, ужин удался на славу, разумеется, с учетом наших тогдашних неприязательных потребностей.

**Доктор философских наук
Леонид Джаяя. Тбилиси. 2001**

Чтобы успеть в Цебельде к первому утреннему рейсу сухумского автобуса, решили идти всю ночь. К счастью, ночь выдалась ясная, звездная, лунная, дорога была хорошо видна, подкрепившись сытным ужином, мы бодро шагали по направлению к цели – автобусной остановке в Цебельде. А чтобы ребята не заснули на ходу, Лев Николаевич, как всегда в свободную минуту, стал рассказывать нам занимательные истории и вести познавательную беседу. Так, например, днем он рассказывал нам о флоре и фауне тех мест, где мы проходили, но сейчас была ночь, и видно было только звездное небо над головой. И тогда Лев Николаевич прочитал нам увлекательную лекцию по астрономии, показал и назвал созвездия на небе, а также наиболее яркие планеты, объяснил устройство Солнечной системы и вообще Мироздания, и мы, как замороженные, слушали его, задавали вопросы и не заметили, как стало светать, и мы очутились в Цебельде, у автобусной остановки.

Вскоре пришел автобус, мы купили билеты и, радостные, счастливые от всего пережитого, отправились в Сухуми, домой. Это было самое впечатляющее, незабываемое событие моего послевоенного детства, и этим я всецело обязан замечательному человеку и известному ученому Льву Николаевичу Соловьеву.

■ Мария КИРАКОСОВА

История музыкального театра Прокофьева в Грузии начинается оперой «Семен Котко», но напомним, что оперу юного Сергея Сергеевича «Маддалена» (1913), считавшуюся немислимо трудной для исполнения, собирался поставить К.Марджанишвили, чему помешал крах Свободного театра.

Премьера «Семена Котко» состоялась весной 1964 года. Спустя три месяца спектакль был представлен московскому слушателю со сцены Кремлевского дворца съездов. Тбилисская труппа была третьим – после Московского музыкального театра им. Станиславского (1940) и Пермского оперного театра (1960) художественным коллективом, решившимся на постановку произведения, которое навлекло столько нареканий. После искрометной «Любви к трем апельсинам» Карло Гоцци и ошеломляющего «Огненного ангела» по роману Валерия Брюсова – вдруг повесть Катаева «Я сын трудового народа» с профанацией трагических страниц истории, где сочувствующие красным участники действия подвергаются изощренным нападениям «недобитых» обломков старого мира.

Прошло более шестидесяти лет. Давно нет в живых исполнителя главной роли Анастаса Чакалиди. Молодыми ушли из жизни Коля Надибаидзе – Ременюк, командир партизанского отряда, Лев Аракелов – веселый гармонист матрос Царев, Ираклий Шушания – заклятый враг большевиков Ткаченко. Трагически оборвалась жизнь режиссера-постановщика Льва Дмитриевича Михайлова. Но впечатление об этом удивительном спектакле по сей день в моей памяти не утратило яркости.

Нужно ли говорить о том, какие трудности стояли перед участниками постановки. Тбилисский театр никогда не был замкнут в рамки классического репертуара. Еще в предвоенные годы большую популярность завоевала опера Юрасовского «Трильби», завораживающая слушателя таинственным ми-

Тбилисский театр оперы и балета

Оперы Прокофьева на тбилисской сцене

стицизмом личности художника Свенгалли. Постановке «Семена Котко» предшествовали «Крутная» словацкого композитора Эугена Сухоня, «Десница великого мастера» Ш.Мшвелидзе, «Миндия» О.Тактакишвили. Однако задачи, которые ставила перед исполнителями музыка Прокофьева настолько отпугивали исполнителей, что, по свидетельству инициатора постановки, музыковеда Антона Григорьевича Цулукидзе, труппа протестовала и бойкотировала репетиции. Союзником Цулукидзе стал тогдашний директор оперного театра композитор Арчил Чимакадзе. В молодом концертмейстере, аспиранте Тбилисской консерватории талантливым Важа Чачава, влюбленном в музыку Прокофьева, они распознали того музыканта, который сможет повести за собой певцов. Наконец, решающим оказалось приглашение из музыкального театра Станиславского и Немировича-Данченко режиссера Льва Дмитриевича Михайлова, вдохновенному артистизму и магнетическому обаянию которого никто не мог противиться.

Собираясь приступить к написанию «советской оперы», композитор долго выбирал сю-

жет, который не был бы «хотульным», «неподвижным и бездейным»; опасность виделась и в «назидательности». В повести Катаева Прокофьев сумел разглядеть «абсолютно живых людей», которые «живут, радуются, сердятся, смеются»; примирение с неизбежными для подобной литературы штампами было не добровольной данью времени, а результатом выдвигаемых им условий – их нарушение ставило «под удар» сценическую судьбу будущей оперы.

Соприкосновение композитора с чуждыми его творческой натуре ситуациями и характерами должно было вызвать известные «провалы». Претендующие на лидерство героические элементы оттеснялись трагедийностью, лирикой и обильными жанровыми картинками. Музыкальное решение финала увело оперу от пристойного для той поры жанра «оптимистической трагедии», однако «бодренькая походная песня, с которой герои уходят «воевать себе лучшую долю» (М.Сабинина) была далека от художественности.

В раскрытии подлинного отношения композитора к изображаемому видится главная цель Л.Д. Михайлова. Его постановка,

Сергей Прокофьев

воспарившая над условностями сюжета, засвидетельствовала пронзительность в оценке событий.

Удивительной была сценическая экспозиция главного героя. Повесть Катаева начинается словами «шел солдат с фронта». «Шествие с фронта» Семена Котко начиналось с первых звуков увертюры при открытом занавесе («Как он шел, как он шел!» — не переставал восхищаться Важа Чачава в присутствии автора этих слов выступлением Анастаса Чакалиди уже через 25 лет после премьеры). Этот импровизированный пролог предсказывал, каким долгим окажется путь деревенского парня, вырванного из привычной среды страшной войной, к земле, мирному труду, к людям, без которых жизнь теряет смысл.

С такой же афористической сжатостью была решена сцена, которая, исходя из сюжета, имела предпосылки стать драматически наиболее уязвимой. Это похороны убитых гайдамаками старика Ивасенко, хранителя документа о делении помещичьей земли, матроса Василия Царева, повешенного на глазах у его невесты Любки, клятва партизан. Здесь не нашлось места для укоренившихся в других постановках приемов декоративной пластики — угрожающие жесты, разбиваемые кандалы, сбрасываемые цепи. Трагизм происходящего воплотился в стихии безмолвия. Застывшие в горестных позах персонажи окружали

склоненного над мертвыми телами вожака партизан Ременюка; над этой скульптурно запечатленной картиной немого горя парила музыка хора на слова Шевченко «Заповит», исполняемого в механической записи.

Прокофьева-либреттиста характеризует скрупулезная достоверность информации, тщательная выверенность деталей, что, на наш взгляд, не всегда диктуется необходимостью. Опера «Игрок» по Достоевскому подробно знакомит слушателей с терминами карточной рулетки. В «Семене Котко» есть эпизод обучения партизан искусству стрельбы с невообразимым для оперы текстом: «Повторяю: мы с вами видим перед собой предмет — артиллерийское оружие, или же скорострельную трехдюймовую русскую пушку. Пушку образца девятьсот четвертого года...» Эта сцена, к неудовольствию некоторых критиков, в тбилисский спектакль не вошла, что усилило его монолитность.

В то же время постановка создавала впечатление о намерении режиссера пересмотреть эпизодические роли, продлить сценическую жизнь второстепенных персонажей. Он дописывает биографии, заполняет «белые пятна», придумывает ситуации, в которых персонажи могли бы раскрыться в новых, возвышающих их качествах. Словно в противовес пронизывающему оперу мотива распада патриархальности, разложения семейных отношений (Ткаченко)

режиссер переносит внимание на семью Ивасенко, расширяя ее роль в сюжете. Улыбчивому юмору остроумных мизансцен из сцены сватовства противопоставляется трагедийный накал сцены казни; его кульминация — отсутствующий в либретто эпизод исступленного отчаяния сына Ивасенко Микола. «Когда старика тащат на виселицу, — писала в своей рецензии присутствовавшая на спектакле музыковед из Москвы Л.Полякова — Микола (артист Т.Заалишвили), который за несколько минут до этого беспечно распевал песню (после этого, в соответствии с либретто, он не появляется на сцене до эпизода «Заповит». — М.К.), вдруг выскакивает из-за плетня и, как дикая кошка, бросается на гайдамаков. Он дерется, кусается, хватается палачей за руки, за ноги, его бьют прикладом по голове... к Миколу подбегают крестьяне, поднимают его, поддерживают. Парень медленно выпрямляется и вдруг со страшным воплем «Батя!» бросается к месту казни. «Батя» единственная реплика (без музыки, на паузе), добавленная режиссером. И этот прием соответствует стилю композитора, нередко прибегающего к прямой речи».

Фантазии режиссера подвластно было «извлекать жемчужины» из самых безнадежных штампов. Его воображение не знало границ, достаточно было самого незначительного повода для принятия решения, ниспровергающего устойчивые представления. Так, перечитывая однажды «Пиковую даму», Лев Дмитриевич открыл для себя, что графиня, обычно воспринимаемая как отвлеченный символ рока, вовсе не является безымянным персонажем. Эту знатную даму, чьи лучшие дни прошли в обществе графа Сен-Жермена и маркизы де Помпадур, зовут простым русским именем Анна Федотовна. Задуманность, с которой прозвучало для режиссера это имя, повлекла за собой переворот в сценической интерпретации образа. Михайлов пришел к выводу, что графиня «самая очаровательная женщина в опере». В Лизе же он разглядел «сатанинский глаз» и объявил главной виновницей совершаемых преступлений. («...ангел падший ей был нужен, куда

Лев Михайлов

уж тут князю Елецкому!»).

Среди персонажей «Семена Котко» наиболее схематичен Василий Царев, кочующий из сюжета в сюжет матрос с гармоникой. Однако эта примелькавшаяся деталь нашла неожиданное преломление в пронзительной интерпретации гениальной музыки сцены пожара и помешательства Любки. Хохочущая Любка, перепачканная, в разорванном платье, подобно ребенку, который тащит на привязи любимую игрушку, на страшном пепелище волокла за собой расплюснутую гармонь повешенного жениха, отрешенно повторяя «Нет, нет, то не Василечек». Потрясающей была игра артистки Заиры Хорава, голос которой, сливаясь с хором и оркестром, перерастал во всенародный вопль отчаяния. Видимо, на режиссерскую мысль повлиял связанный со сценическими явлениями Царева оркестровый мотив с приметами кадрили, имитирующий гармошечный наигрыш, который выгодно выделяется на фоне маловыразительной музыкальной характеристики этого персонажа.

Отдавая должное постановщику спектакля, рецензенты единодушно ставили ему на вид неоправданность участия безумной Любки в финальной сцене, что, по их мнению, нарушало апофеоз. Но разве возможен апофеоз там, где рушатся сложившиеся веками устои, льется кровь преступно втянутых в братоубийственную войну безвинных жертв, а предательские наветы превращаются в жизненный норматив? За фигурой беспорядочно мелькающей по сцене Любки виделся предостерегающий жест режиссера, его горький упрек тем, кто повинен в искалеченных судьбах молодежи, превращении ее в «потерянное поколение».

По счастливому стечению обстоятельств, в спектакле сосредоточились молодые певцы с замечательными сценическими данными. Реальную осязаемость обрели не только мастерски вылепленные портреты главных героев (в образе Софьи, дочери Ткаченко и возлюбленной Семена, блистала Ольга Кузнецова; в роли Фроси, сестры Семена и невесты Микола, с неожиданной стороны раскры-

лась Арусяк Мурадова, показав незаурядный дар комической актрисы), не только ожили малосценичные роли, как Ременюк или Царев; множеством оттенков заиграли эпизодические роли, которым режиссер продлил сценическую жизнь их участием в массовых эпизодах. С блеском обыгрывалось зубоскальство озорных молодух, смущавших застенчивого Семена нескромными намеками (Т.Гургенидзе, Н.Лашкарева, М.Кукуладзе), степенные вопросы важеватых дедов, «знатоков» политики (В.Хамашуридзе, В.Лосицкий).

Стройности спектакля и полноте исполнительской отдачи способствовала атмосфера высокой духовности, которая возникала вокруг каждой работы замечательного мастера сцены Л.Д. Михайлова. И нам представляется, что режиссура «Семена Котко» была ответственным этапом на пути к постановке творческого шедевра режиссера «Пиковой дамы» с визуализированной экспозицией главных участников на фоне увертюры, механической записью для озвучивания беспримерных по самоуглубленной экспрессии эпизодов, как квинтет «Мне страшно» и зауспокойная месса из финала.

Следующая постановка в Тбилиском оперном театре «Любовь к трем апельсинам» (1965). В центре внимания режиссера Гурама Мелива мысль о врачующем, исцеляющем смехе, воплощенная средствами буфонады, клоунады, эксцентрического танца. Приметы некоторых персонажей этой оперы позже проникли в характеристику действующих лиц «Огненного ангела», который одновременно с «Дуэньей» на сюжет комедии Ричарда Шеридана был показан на фестивале музыки Прокофьева в Дуйсбурге летом 1990 года. Так, исполняющий роль Мефистофеля И.Кавсадзе во многом повторил своего Труффальдино, а пластика жестов инквизитора в исполнении О.Хоперия вызвала в памяти мага Челия.

Опере «Огненный ангел» был оказан восторженный прием в Германии, пресса дала высокую оценку исполнителям. «Татишвили (исполнительница роли Ренаты. – М.К.) вызвала истинное изумление силой и потрясающей выразительностью голоса... Гецадзе, обладатель прекрасного голоса и своеобразной выразительности, может быть отмечен как редкий певец... Даже восторженные роли исполнялись блестящими певцами». В рецензии (газета «Райнише пост» от 22 сентября 1990) говорится о «сильном альте Э.Эгдззе» (колдунья), «блестящем тембре Чичинадзе» (доктор Фауст), басы Хоперия, «который наполнил зал своим органическим звучанием».

Нужно ли говорить, чем была для Тбилиси постановка «Огненного ангела», каким событием явилось звучание с оперной сцены этой великой музыки. Одновременно многострадальному детищу Прокофьева предстояла ответственная просветительская миссия – приобщение слушателя к сюжету незаслуженно забытого романа Валерия Брюсова, прекрасного романа Серебряного века, который все еще дожидается признания у себя на родине. «Полностью преодолеть недостатки драматургического движения повести (не повести, а исторического романа. – М.К.) Прокофьеву не удалось», – говорится в одном из самых фундаментальных исследований об оперном стиле Прокофьева. – Наиболее эффек-

тивными оказались усилия Прокофьева-композитора. Гений находит верный путь там, где посредственный (!!!) талант заблудился... (М.Тараканов). В ответ на это приведем выдержку из воспоминаний Андрея Белого о похоронах В.Я. Брюсова. «... на балкон вышел Луначарский; вслед за ним ... Коган; и произнеслось над Пречистенкой: «Брюсов – великий!». Взволнованный воспоминаниями, помнится, выкрикнул я нечто дикое... ведь для меня ж умер Брюсов: эпоха, учитель, поэт».

В романе «Огненный ангел» выстрадана каждая страница. Широко известно, что событийность его фабулы имеет реальные предпосылки, за каждым персонажем стоит подлинное лицо, выдающиеся представители литературного мира Нина Петровская (Рената, главная героиня), Андрей Белый (Генрих), Брюсов (Рупрехт, от имени которого ведется повествование). Важнейшее из них Бальмонт, имя которого в музыковедческих комментариях к сюжету почти не упоминается.

Между тем, из мемуаров А.Белого, В.Ф. Ходасевича, Н.Берберовой, И.Одоевцевой следует, что «ад», из которого Орфей-Андрей Белый выводил Эвридику – Нину Петровскую – возник в результате ее мучительного романа с Бальмонтом, и Мадиель, «огненный ангел», внушивший Ренате испепеляющую страсть, в известных чертах отражает его облик. На эмоциональность романа настраивает посвящение автора, в жизни которого встреча с Петровской – Ренатой оказалась поистине судьбоносной; его слова словно выплеснулись из глубины души с незаживающей, вечно кровоточащей раной: «Не кому-нибудь из знаменитых людей, прославленных в искусствах или науках, но тебе. Женщина, светлая, безумная и несчастная, которая возлюбила многих и от любви погибла, правдивое это повествование как покорный слушатель и верный любовник, в знак вечной памяти посвящает автор». Позже, находясь в Италии и уже начав путь к своему бесповоротному падению, Н.Петровская писала Брюсову: «...я хочу умереть, чтобы смерть Ренаты ты писал с меня, чтобы быть моделью для последней прекрасной главы». Между тем в цитированном музыковедческом исследовании содержится мысль о художественной уязвимости произведения (в действительности – романа – М.К.), на которой лежит отпечаток ученой сухости и рассудочности», и которой «иногда не хватает главного – искренности, способной захватить читателя». Автор сказанного не разглядел не только поистине «сокрушающую», эмоциональность» в отношениях героев романа, но и другую его сторону – произведение Брюсова это глубочайшее исследование об истории душевой болезни.

Когда Л.Д. Михайлов ставил «Войну и мир» Прокофьева в Берлинской «Комише опере», исполнителям читались доклады, проводились семинары по роману Толстого, был приглашен специальный консультант-литературовед. Только таким образом должна быть обставлена работа над сценическим воплощением «Огненного ангела», где малейшее отступление от сюжетной символики создает опасность профанации.

Вряд ли тбилисской постановке предшествовали источниковедческие изыскания. Иначе – как объяснить карикатурное искажение лучезарного

облика графа Генриха, превращение его в пародийного двойника Мефистофеля? Результат – нарушение триединства «божественное – земное – inferнальное» мирозерцания героини, изъятием первого звена и гипертрофированностью последнего. Надо сказать, что предпосылки подобного «крена» содержатся в либретто, автор которого сам композитор. Изолированное от музыки, оно обнаруживает увлеченность авантюриными элементами; композитор впоследствии вспоминал, какую заманчивость таила «средневековая обстановка с путешествующими Фаустами и проклинающими архиепископами. Генриху же, к которому устремлены возвышенные помыслы героини, отводится роль статиста. Однако постановщикам не следует забывать, что солнечный рыцарь Генрих фон Оттергейм это Андрей Белый, соперник и оппонент В.Брюсова, предмет его угрожающих нападок в жизни и стихах («Вскрикнешь ты от жгучей боли,/ вдруг повергнутый во мглу». Стихотворение «Бальдеру Локи») и бесконечного восхищения. В романе он выступает как олицетворение совершенства, «братоубийственная» рука В.Брюсова возвела его на недостижимый пьедестал. Симптоматична последняя встреча этих героев: Рупрехта – Брюсова, растворившегося в толпе сопровождающих его приказчиков, и утопающего в великолепии графа Генриха. Автор романа помещает их по разные стороны моста, олицетворяющего непреодолимый социальный барьер. Поэтому интерпретация роли Генриха один из самых ответственных моментов в постановке оперы Прокофьева.

Большое достоинство спектакля его художественное оформление (Г.Алекси-Месхишвили, Народный художник Грузии, лауреат Государственной премии СССР). Металлическая конструкция, пересекающая сцену по горизонтали, как бы отделяет от внешнего мира пространство, предназначенное героям, превращаясь то в хижину убогой мансарды, где познакомились Рената и Рупрехт, то в террасу роскошной гостиницы, то в мост через Рейн, где состоялся поединок Рупрехта с Генрихом, то в площадь перед Кельнским собором. «Рембрантовскому освещению» места действия главных персонажей противопоставляются живописные ландшафты, красочные изображения пробуждающейся природы. Временами же краски внешнего окружения приходят в соответствие с грозным накалом обстановки. Декоративную сторону спектакля могло бы отточить внимание к многочисленным зарисовкам Брюсова, свидетельствующим о глубоко проникновении в дух эпохи, а также в представленных на страницах романа описаниях одежды персоналий с их смысловой нагрузкой, что в настоящее время принято игнорировать, позволяя какие угодно вольности. Тбилисская постановка погружала зрителя в мир средневековья, с ощущением которого он оставался до конца спектакля. В этом ее преимущество перед «Огненным ангелом» Большого театра (первая постановка состоялась в 2004 году), где режиссер Франческа Замбелло позволила себе перенести действие в 30-е годы XX века с коммуналками и кожаными куртками чекистов, предводитель которых заменил инквизитора.

После встречи в «Русском клубе»

НЕ ВЕДАЕТ ГРАНИЦ ЛИТЕРАТУРА

■ Владимир САРИШВИЛИ

С 30-го мая по 3 июня в Тбилиси прошел Международный литературный фестиваль «Грузинская весна». Он собрал поэтов, прозаиков, режиссеров, мастеров музыкально-поэтического перформанса из Азербайджана, Бельгии, Великобритании, Германии, Грузии, Израиля, Испании, России, Узбекистана. Организовали фестиваль Общенациональный союз писателей Грузии и Международная Гильдия Писателей (МГП), штаб-квартира которой находится в Штуттгарте (Германия). Три рабочих дня фестиваля прошли под эгидой Союза писателей Грузии, Всегрузинского Общества Руставели и Международного культурно-просветительского Союза (МКПС) «Русский клуб». Творческие встречи грузинских и зарубежных участников фестиваля, презентация совместного альманаха «Крестовый перевал», авторские представления книг прошли в Доме писателей и в МКПС «Русский клуб».

Участников фестиваля приветствовали руководители Союза писателей Грузии прозаик Реваз Мишвеладзе и поэт Маквала Гонашвили. Они отметили, что фестиваль – уже

вторая творческая встреча литераторов МГП и Грузии – после состоявшейся в прошлом году презентации коллективного сборника «Путь дружбы (МГП-Закавказье)» – что это творческое общение становится традиционным и уже входит в историю нашей культуры.

«Маквала Гонашвили и Моисей Борода, наш соотечественник, проживающий в Германии, – сподвижники и вдохновители этого фестиваля, а гостей здесь нет – все мы, независимо от стран проживания, собрались во имя единой цели, – отметил Реваз Мишвеладзе. – Цель эта многогранна: обменяться мнениями, посетить авторские презентации книг. А для членов делегации МГП, многие из которых впервые в нашей стране – еще и познакомиться с Грузией».

Руководитель делегации МГП, ответственный секретарь Гильдии, издатель Лада Баумгартен ознакомила собравшихся с издательской деятельностью Международной Гильдии Писателей. Она вручила Моисею Бороде орден «За особые заслуги», а Маквала Гонашвили – высокую награду Союза писателей Грузии: почетный диплом «Посланник грузин-

ской культуры» – награды, которые сам награжденный назвал необычайно дорогой в его жизни оценкой проделанного труда.

Моисей Борода представил выпущенный издательством МГП STELLA альманах «Крестовый перевал». «Это уже второй сборник – плод наших совместных усилий, – сказал он. – Первый, «Путь дружбы», вышел в прошлом году. Никогда не забуду того, с каким воодушевлением поддержала идею фестиваля «Грузинская весна» Маквала Гонашвили, незабываема и ее дальнейшая всесторонняя поддержка. Исключительную роль в осуществлении этого проекта играла Лада Баумгартен. По возвращении в Германию мы начнем подготовку к фестивалю Грузинская весна – 2017, причем масштаб фестиваля расширится – мы намерены пригласить к участию еще несколько литературных организаций Южного Кавказа».

С большим успехом выступили на фестивале тбилисские поэты – Паола Урушадзе, Владимир Головин, Елена Шахназарова-Головин. Особо следует отметить выступление Мананы Дангадзе – «первой

ласточки» индивидуально-сотрудничества писателей Грузии с МГП на издательской ниве. Сборник ее стихотворений «Лирический дневник» принят к изданию в издательстве МГП STELLA (Германия).

Презентация книг в Доме писателей оказалась тематически чрезвычайно многообразной. Так, Марина Ламберти-Симонова (Германия) представила свои книги о жизни кошачьего мира, Римма Ульчина (Израиль) – два новых романа – мистический и эзотерический, а Елена Крикливец (Беларусь), редактор популярного в Белоруссии журнала – два поэтических сборника, лирическая героиня которых – совре-

та, или из Иерусалима по всему миру», по мотивам путешествий автора, с богатым иллюстративным материалом. Галина Долгая (Узбекистан), презентовавшая две книги, увлечена историей, этнологией, психологией человеческих отношений, и это ложится в основу почти всех сюжетов писательницы.

Впечатляющим было выступление лингвиста и культуролога Юлии Каштановой – москвички с баскскими корнями. На импровизированной сцене она появилась в наряде Карменситы и исполнила 15-минутную музыкально-поэтическую композицию на трех языках. Затем Юлия, основное направление творческих интересов

МГП «Путь дружбы». Она предстала и как поэт, и как автор проектов в русскоязычной литературной сфере.

Живущий в Лондоне режиссер Давид Гурджи (Папава) представил проект «Роман для сцены» на базе совместной работы (консультаций) над инсценировкой романа «Сто лет одиночества» с Габриелем Гарсия Маркесом. «Классик в течение 40 (!) лет никому не давал прав на съемки фильма или инсценировку своего романа «Сто лет одиночества», – рассказал Давид Гурджи. – Судьба свела меня с племянником Маркеса, он познакомил меня со своим дядей, я рассказал писателю о том, что мечтаю поставить его роман на грузинской сцене. Маркес рассмеялся и передал через племянника: «Пусть ставит. Где бы он ни поставил, я приеду на премьеру».

В рамках фестиваля состоялась творческая встреча делегации Международной Гильдии Писателей с Всегрузинским обществом Руставели. Президент общества, поэт, прозаик и публицист Давид Шемокмедели рассказал о деятельности общества: «Наши приоритеты – укрепление международных контактов и создание почвы для постоянного творческого сотрудничества. Подготовлен меморандум о сотрудничестве между Всегрузинским обществом Руставели и МГП. В нем будут отражены аспекты нашего сотрудничества: совместные литературно-культурные проекты, обмен информацией, переводами и публикациями в наших печатных изданиях, творческие встречи, издательская деятельность».

И, наконец, о заключительной встрече в «Русском клубе», которую вел Александр Сватиков, главный редактор одноименного журнала. Он рассказал о многогранной деятельности МКПС «Русский клуб», об истории Грибоедовского театра, о Театре-студии юных актеров «Золотое крыльцо», о серии книг «Русские в Грузии», о журнале, который выходил даже в дни августовской войны 2008 года, о старом Тбилиси...

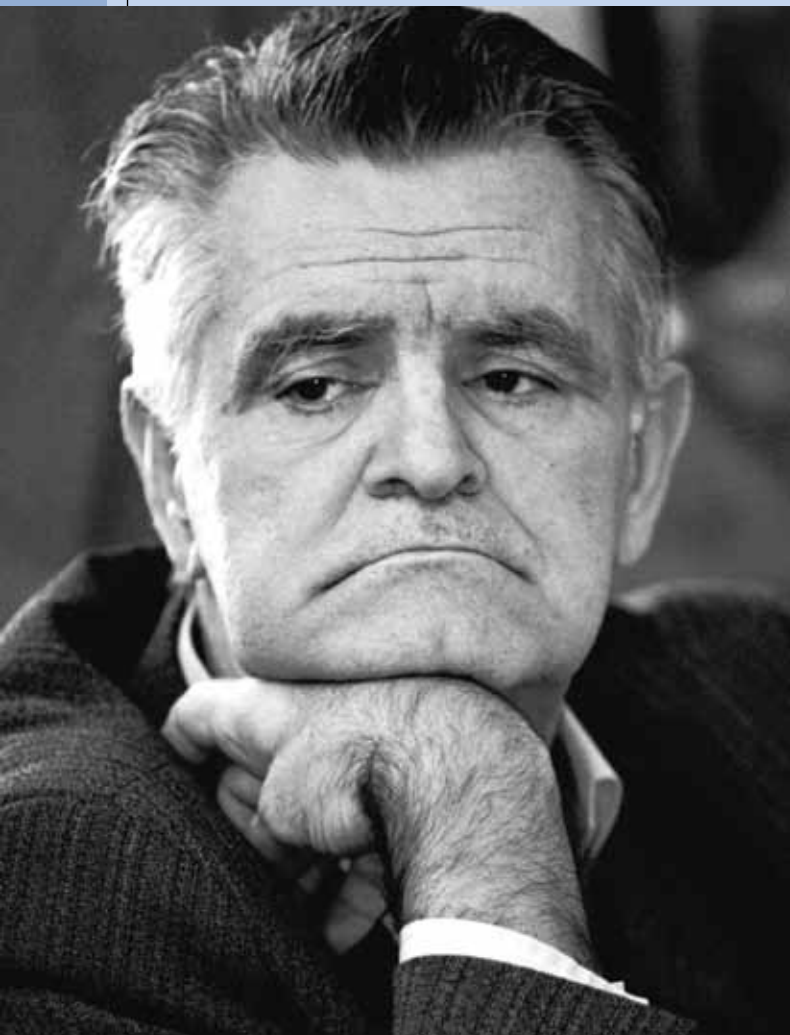
На презентации в доме писателей

менница, тонко чувствующая драматизм реальной жизни.

С успехом прошла презентация Елены Яхненко, представившей богато иллюстрированный электронный детский альманах «Улитка»: детское творчество, произведения известных современных авторов для детей и взрослых, конкурсы для школьников и родителей, сказки... В этом же «детском» ракурсе, но с акцентом на психологию выступил Михаил Сафронов из России, рассказавший о проекте КиноТелеМедиаАкадемии для учащихся под девизом «Алло! Мы ищем таланты!». Ефим Златкин (Израиль) представил книги «Местечковые рассказы» и «Под крылом самолета,

которой – научная фантастика и приключения, познакомила с тремя своими книгами. Несколько сборников стихов с нотами написанных на них песен представила Валентина Бендерская (Израиль). Московский поэт Илья Лируж (Ружанский) привез в дар грузинским коллегам пять авторских книг – стихи, поэмы, романсы, венки сонетов. Лев Альтмарк (Израиль) ограничился одной книгой, затрагивающей социально-философские проблемы.

Большой интерес вызвало выступление заведующей отделом поэзии журнала «Литературный Азербайджан» Алины Талыбовой, активно участвовавшей в подготовке сборника

Фазиль Искандер

ПРИЗЫВ И УТЕШЕНИЕ

■ **НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ**

Вот и все. Ушел последний классик русской литературы XX века.

Он был весел и умен одновременно.

Его афоризмы моментально входили в обиход каждого, кто читал и думал.

Певец Абхазии, русский писатель, убежденный, что юмор способен исправить промахи жизни, Фазиль Искандер не был борцом с режимом и никогда не диссидентствовал. Но ирония, с которой он смотрел на окружающий нас мир, была так умна, а сам взгляд так внимателен, что, ей-богу, иного приговора строю и не требовалось – почитай Искандера, да и дело с концом.

Рассказы о Чике и роман «Сандро из Чегема», «Созвездие Козлотура» и «Кролики и удавы», эти произведения – одна из самых важных составляющих жизни среднего и старшего поколений времен СССР, да и последующих. Без этих книг невозможно представить наши книжные полки и письменные столы тех лет, наши разговоры не только на кухне, но и в аудиториях всех факультетов – будь то русская филология или физика. Поэтому прощание с

ним – личное горе для многих.

«В первой половине 90-х, – вспоминает Сергей Чупринин, – когда все в нашей стране перевернулось и еще даже не начинало укладываться, когда многими из нас овладело чувство растерянности, безнадежности и уныния, Искандер напечатал в «Знамени» рассказ с простым названием «Попытка поднять настроение себе и людям». Все эти три дня печали я вспоминаю тот давний рассказ и твержу про себя его название. Ведь весь Фазиль – и в стихах, и в прозе, какими бы трагическими ни были его сюжеты, – это попытка поднять нам настроение, творчеством противостоять апатии, унынию и безверию. Удивительная и по самой своей сути истинно христианская позиция. Спасибо писателю, который, уходя, оставляет нам воспоминание о рае земном и напоминовение о рае небесном».

«У него есть реплики, – говорит Евгений Попов, – которые не придумал бы ни один эстражник, даже великий Жванецкий. В главе, которая не была напечатана в «Новом мире», некий космонавт предложил в глухой абхазской деревушке выпить за «комсомол, воспитавший нас». В ответ молодой хозяин, простой мужик, «выходя из оцепенения и приобретая дар речи, с выражением мучительной догадки вымолвил по-абхазски: – Уж не глуп ли он часом? – Нет, их так учат, – по-абхазски же строго поправил его дядя Сандро».

Это блестящая реплика. Если почитать книги Фазила Искандера, то таких шедевров можно найти полным-полно. Его проза близка людям. Она не высокомерна. Она не злобная. Она не наступательная. Он понимает, что творится в мире. Но тем не менее, по Фазилю, уж какой мир есть, в таком и надо жить все-таки».

А еще – он утешал. И сейчас, с какой-никакой, но все же высоты прожитых лет, мне кажется, что это – самое важное, что может дать человеку литература. Да и сам Фазиль Искандер считал, что главное предназначение искусства – это «призыв и утешение».

Искандера читать легко. Ну, вот – навскидку: «Если нечем распилить цепи, плюй на них, может, проржавеют». «Поговорим о вещах необязательных и потому приятных». «Гражданственность – это донести свой окурочок до урны. Государственность – это сделать так, чтобы путь до очередной урны был не слишком утомительным». «Приведи в порядок мышеловку. Что-то у нас снова развелись мыши. Они, кстати, чувствуют, когда в доме нет ясности и твердости». «Общественный деятель – несмирившийся неудачник. Несчастную страну узнаешь по количеству общественных деятелей». И так далее – до бесконечности.

Он никогда не отнимал надежду. Он слишком ценил гармонию, чтобы ее задевать. И потому гармонизировал мир вокруг себя. А значит, каждому его читателю, настоящему и – обязательно! – будущему, перепадет немного утешения...

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ი ვ ი ლ ი

**Г. ТОРЖОК
БОРИСОГЛЕБСКИЙ МОНАСТЫРЬ**

